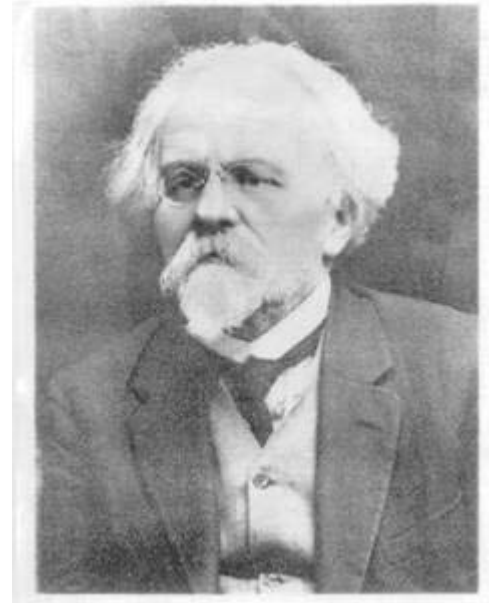


К. О. РОССИЯНОВ

ОПАСНЫЕ СВЯЗИ: И. И. ИВАНОВ И ОПЫТЫ СКРЕЩИВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА С ЧЕЛОВЕКООБРАЗНЫМИ ОБЕЗЬЯНАМИ *

В феврале 1926 г. советское правительство и Академия наук СССР командировали в Африку крупнейшего специалиста в области искусственного осеменения домашних животных профессора Илью Ивановича Иванова (1870–1932). Целью поездки была постановка опытов искусственного оплодотворения самок шимпанзе семенем человека. Скрещивания намечалось провести в обезьяньем питомнике, который незадолго до этого был организован парижским Институтом Пастера в местечке Киндия во Французской Гвинее; планы Иванова были поддержаны директором института Эмилем Ру (Emile Roux) и его заместителем Альбером Кальметтом (Albert Calmette). Но из-за многочисленных препятствий, – в первую очередь, из-за сложности работы в непригодной для лабораторных исследований обстановке экваториальной Африки – Иванов оказался не в состоянии осуществить задуманные опыты в полном объеме, так и не получив убедительных доказательств ни «за», ни «против» возможности рождения гибридов человека и человекообразных обезьян. По возвращении в Советский Союз осенью 1927 г. Иванов намеревался продолжить опыты в созданном вскоре после его поездки питомнике обезьян в Сухуми, а их проведение даже было включено в проект первого пятилетнего плана питомника. Однако 13 декабря 1930 г. Иванова арестовали, после многомесячного заключения отправили в ссылку в Алма-Ату, где он 20 марта 1932 г. скоропостижно умер от кровоизлияния в мозг. В результате опыты остались незавершенными, а история африканской экспедиции была на долгое время забыта.



*И. И. Иванов, 1920-е годы.
Иконотека ИИЕиТ РАН*

В немногочисленных публикациях, посвященных опытам Иванова, бросается в глаза любопытная особенность. Иванов предстает в них либо как серьезный ученый, но тогда нравственное измерение его исследований не рассматривается вовсе, либо, напротив, на первый план выдвигается аморальность опытов, но самого Иванова трактуют тогда как шарлатана,

* Мы глубоко признательны профессору Петру Николаевичу Скаткину за разрешение использовать материалы личного архива И. И. Иванова, сохраненного в тяжелых условиях П. Н. Скаткиным и переданного впоследствии в Центральный государственный архив Московской области. Работа выполнена при финансовой поддержке фонда Герды Хенкель (Gerda Henkel Stiftung, грант № 01/SR/03) в Институте истории естествознания и техники РАН. Интернет-адрес автора: <http://www.freewebs.com/rossianov>

отказываясь видеть в его работах какое-либо научное содержание.¹ Занять иную позицию и не возводить «китайской стены» между научным содержанием опытов и их моральной оценкой намного сложнее. Иванов был бесспорно крупным ученым, а опыты его представляли важный научный интерес как с позиций того времени, так и нашего. Но, соглашаясь с мнением о значимости исследований Иванова, мы в то же время не можем отделаться от вызываемого ими чувства отвращения. И сразу же сталкиваемся с главной, на наш взгляд, проблемой: интуитивное убеждение в аморальности скрещиваний не подкрепляется ясными этическими доводами. «Успех» опытов принес бы настолько очевидное доказательство близости двух видов друг к другу, что мы не могли бы больше считать шимпанзе (а скорее всего, и других антропоидных обезьян) животными. Осуждая подобные эксперименты, мы исходим из представления о кардинальном различии, о «пропасти» между человеком и животным, но правильно ли тогда – вершить суд над исследованиями, свидетельствующими о том, что «пропасти»-то и нет, что ее можно в любую минуту «засыпать»?

Если граница между человеком и другими видами не является более непосредственно «данной» и натуралистически очевидной, то она должна быть осознана и понята как необходимая нравственно. Однако обосновать представление о жестко фиксированной и абсолютно непроницаемой границе в современном мире чрезвычайно трудно. Идея человеческого общества как замкнутой «корпорации» представляет очевидный контраст тому процессу размывания «естественных» границ, что медленно, но неуклонно происходит внутри самого человечества. Разнообразие признается ныне безусловным благом, но столь же безусловно и право личности на изменение собственной идентичности, – культурной, религиозной, национальной, гендерной, половой. А значит, принадлежность к той или иной человеческой общности определяется не только и не столько «фактом рождения», сколько личным выбором, актом добровольной самоидентификации.

С другой стороны, нетрудно заметить, что аналогичный процесс совершается и в природе: созданные человеком и уже повсеместно распространенные трансгенные, или генетически модифицированные организмы, в геном которых искусственно включены чужеродные гены, взятые у других видов, заставляют задуматься о «естественности» межвидовых границ, поскольку дальнейшее их существование становится вопросом удобства, «инженерного расчета» или простой человеческой прихоти. Так стоит ли упрямо настаивать на абсолютной неприкосновенности границы, которая отделяет человека от других видов, коль скоро идея «естественного порядка» и «естественных границ» все больше и больше теряет свой смысл? Если идея эта не обладает обязательной силой ни для мира человека, ни для мира природы, то почему неколебимой должна оставаться граница, отделяющая оба этих мира друг от друга?

Особенно актуальными эти вопросы становятся потому, что нам, возможно, предстоит столкнуться с повторением подобных экспериментов в той или иной форме в будущем, учитывая стремительное развитие генетической инженерии и клеточной биологии. Наиболее «обещающей» в этом отношении выглядит методика создания межвидовых химер, заключающаяся в

¹ *Скаткин П. Н.* Илья Иванович Иванов – выдающийся биолог. М.: Наука, 1964; *Фридман Э. П.* История Сухумского питомника обезьян в аспекте развития медико-биологических исследований на приматах. Дисс. на соискание ученой степени канд. биол. наук. Сухуми, 1967; *Файман Г.* Дневник доктора Борменталья, или Как это было на самом деле // Искусство кино. 1991. №.7. С. 94–100. №.8. С. 77–81. №.9. С. 155–160. №. 10. С. 155–160; *Шишкин О.* Красный Франкенштейн. Секретные эксперименты Кремля. М.: Ультра. Культура, 2003. С. 281–282.

искусственном соединении и «перемешивании» зародышевых клеток двух разных видов на ранней стадии эмбрионального развития. Недавно американскому исследователю И. Вайсману (I. Weissman) удалось вывести мышей-химер, у которых примерно один процент мозговых клеток (нейронов) происходит от клеток человека. При этом пожелавший увеличить долю человеческих клеток Вайсман сам же и обратился в университетскую комиссию по биоэтике с просьбой указать, какая доля человеческих клеток в мозгу мышей этически допустима! Между тем специалисты по биоэтике – авторы недавно опубликованной статьи, посвященной созданию химер человека и животных, – не смогли найти ясных этических аргументов. И, выступая против проведения таких экспериментов, ограничились лишь указанием на «нравственное замешательство», которое опыты, по их мнению, неминуемо вызовут.² Тем самым на проведение подобных опытов предлагается наложить своего рода мораторий, но нравственный смысл его остается неясным, и вряд ли поэтому запрет сможет продержаться сколько-нибудь долго.

Понимая, что общий вектор развития ставит «естественные» границы под вопрос, мы не можем не сожалеть об утрачиваемом при этом контексте, в рамках которого отделяющая нас от других видов граница могла быть осмыслена как этически обязательная. Еще во времена Иванова контекст этот сохранялся в большей степени, чем сегодня, и это значит, что история его опытов приобретает особую цену. Анализируя отношение к этим исследованиям современников и не соглашаясь с отжившими, продиктованными временем стереотипами и табу, нам следует в то же время попытаться отыскать и «крупницы» подлинного нравственного смысла. Потому что иначе, если у чувства отвращения не найдется опоры за пределами него самого, то чувство это и вправду лишь обреченный на исчезновение пережиток. Ведь выбор, в конечном счете, заключается вовсе не в том, «противно» ли это или «не противно», - ставить опыты искусственного скрещивания человека и обезьяны. (Как можно собственное чувство сделать обязательным для другого? И разве можно испытывать отвращение «по обязанности»?) Запрет опытов возможен лишь в том случае, если опирается на рациональные, убедительные аргументы. И если подобных аргументов нет, то «чувства» придется «держать при себе» как абсолютно личное дело.

Следует признать, что наши интуитивные реакции не являются чем-то вечным и неизменным. Рассматривая в первой главе ранние работы Иванова в области искусственного осеменения домашних животных, мы становимся свидетелями того, как очевидное, интуитивно понятное различие между «естественным» и «противоестественным» теряет постепенно всякую силу. Но когда речь заходит об опытах скрещивания человека с обезьянами, то отказаться от старого противопоставления мы, похоже, не можем, – именно потому, что хотели бы видеть границу между человеком и другими видами «естественной», и следовательно, навеки узаконенной. В то же время, с точки зрения современной науки, экспериментальные исследования не могут быть «неестественными», ибо направлены на установление истины – единственной доступной нам «сути» вещей. Поэтому столь важным представляется вопрос, к решению которого мы переходим во второй главе: как все-таки относились к опытам скрещивания ученые, - коллеги Иванова в Советском Союзе и в Европе?

В третьей главе сценой действия становится тропическая Африка, где не только живут и размножаются обезьяны, но и процветают расистские стереотипы. Эти стереотипы накладываются у Иванова на восприятие подопытных шимпанзе, что придает отделяющей

² Weiss, R. Of mice, men and in-between: Scientists debate blending of human, animal forms // Washington Post. 20.11.2004; Robert, J. S., Baylis, F. Crossing species boundaries // The American Journal of Bioethics. 2003. Vol. 3. № 3 .

человека от других видов границе определенный смысл, - и смысл этот продиктован убеждением в «естественности» и очевидности границ, существующих между самими людьми. Ситуация кардинально меняется в следующей главе, в которой, рассматривая дальнейшие планы Иванова, мы снова переносимся в Советский Союз, –теперь уже конца 20-х гг., стремительно освобождающийся от унаследованных от «старого» общества социальных перегородок, культурных табу и «буржуазных предрассудков» и превращающийся в широкое поле культурных и социальных экспериментов.

Интуитивное убеждение в аморальности опытов, для которого мы пытаемся найти рациональное обоснование, не должно превращаться в интеллектуальную пристрастность и блокировать альтернативную постановку вопроса: что если опыты гибридизации человека с человекообразными обезьянами не только важны с точки зрения науки, но и заключают в себе положительное нравственное содержание? Эта проблема оказывается в центре внимания в пятой главе, в которой эксперименты получения гибридов анализируются с точки зрения современных дискуссий об этике отношений с другими биологическими видами. И только после этого, в заключении, мы можем, наконец, подвести итог размышлениям о смысле: искусственно сконструированном или подлинном? - который склонны связывать с последней остающейся в современном мире «естественной» границей.

1. Искусственное осеменение и проблема «догоняющего развития»

И. И. Иванов вошел в историю как пионер массового применения искусственного осеменения в животноводстве. Благодаря его деятельности, метод начал широко использоваться в России еще до Первой мировой войны, т. е. на 25–30 лет раньше, чем в странах Европы и Америки³. Так что же позволило Иванову вывести «отсталую» царскую Россию в мировые лидеры? Причины, как увидим, во многом схожи с теми, что обусловили проведение опытов гибридизации в 1920-е гг. Необычные, неординарные, а некоторым казавшиеся откровенно дикими, идеи Иванова находили поддержку у патронов: царских бюрократов до революции и большевиков после нее, – как раз благодаря острому ощущению отсталости и желанию во что бы то ни стало ее преодолеть, догнать развитые страны, действуя при этом «сверху» и опираясь в том числе на достижения науки и техники.

Значение работ Иванова подчеркивается и тем, что искусственное осеменение явилось первой репродуктивной технологией из ставших доступными человечеству. Как отмечали историки, самым, возможно, главным результатом развития подобных технологий следует считать изменение наших представлений о «естественном», «очевидном», «само собою разумеющемся».⁴ Вопросом вопросов, разумеется, является то, насколько глубоко происходящие изменения могут влиять на подлинные, аутентичные реакции нашего «я». Как мы увидим, люди не сразу смирились с использованием «неестественного» приема искусственного осеменения в животноводстве и медицине, однако опыты скрещивания человека с обезьянами все еще

³ См.: The Artificial Insemination of Farm Animals / Ed. by E. Perry. New Brunswick: Rutgers Univ. Press, 1955. P. 5–8; Folsome, C. E. The status of artificial insemination: a critical review // American Journal of Obstetrics and Gynecology. 1943. Vol. 45. P. 915–927.

⁴ Orland, B. Die menschliche Fortpflanzung im Zeitalter ihrer technischen Reproduzierbarkeit: Die Normalisierung der Reproduktionsmedizin seit den 1970er Jahren // Technikgeschichte. 1999. Н. 4. Подробнее о понятии репродуктивных технологий см. Squier S.M. Babies in bottles: Twentieth-century visions of reproductive technology. New Brunswick etc.: Rutgers Univ. Press, 1994.

представляются не просто необычными, но внутренне неприемлемыми. Следует ли думать, что это лишь затянувшийся «переходный этап»?

И. И. Иванов родился в 1870г. в городе Щигры Курской губернии в семье надворного советника, чиновника губернского казначейства. По окончании в 1896 г. Харьковского университета, где молодой Иванов изучал физиологию животных, он за свой счет отправился в заграничную поездку, в ходе которой прошел, в частности, теоретический и практический курсы бактериологии в Институте Пастера в Париже. Однако вскоре интересы его приняли иное направление, и, когда в 1898 г. Иванов вернулся в Петербург, предметом его исследований стала физиология размножения, которой он начал заниматься в лаборатории известного биохимика М. В. Ненцкого в Императорском Институте экспериментальной медицины (ИЭМ). Несколько позднее он стал проводить свои эксперименты и в лаборатории И. П. Павлова, освоив, в частности, павловскую фистульную методику и применив ее к изучению половых желез млекопитающих, а также в Особой зоологической лаборатории Академии наук под руководством всемирно известного эмбриолога А. О. Ковалевского⁵.

Уже очень рано его эксперименты оказались связаны с методом «искусственного осеменения», или, как предпочитали тогда говорить, «искусственного оплодотворения», дальнейшее развитие которого и стало, в сущности, основным делом его жизни. Значение работ Иванова в этой области оттеняется крайне скромными масштабами применения метода не только в тогдашнем животноводстве, но даже и в медицине: хотя он использовался там для борьбы с бесплодием с конца XVIII в., однако число рожденных детей не превысило к 1911 г., согласно литературным данным, 51⁶. И, разумеется, в медицинской практике нельзя было рассчитывать на широко проводимые эксперименты, которые позволили бы планомерно совершенствовать методику, – эта возможность открылась для Иванова, когда он решил работать в практическом животноводстве (в первую очередь, коневодстве), используя искусственное оплодотворение для быстрого размножения ценных пород домашних животных⁷.

Но если у академических ученых работы Иванова вызывали большой интерес и перед ним по-прежнему были открыты двери их лабораторий, то применение метода в животноводстве натолкнулось на сопротивление практиков – специалистов в области зоотехнии и разведения домашних животных. В России, как впрочем и в других странах, среди животноводов (а также широкой публики) были распространены опасения, что «неестественные» в данном случае условия размножения приведут к появлению слабого и нежизнеспособного приплода, а возможно, и к вырождению. И можно ли лишить домашних животных «секса», разорвать «естественную»

⁵ Результаты научных работ этого периода подытожены в: *Иванов И. И.* Искусственное оплодотворение млекопитающих // Архив биологических наук. 1906. Т.12. № 4/5. С. 376–509; текст также опубликован во французской версии журнала Archives des sciences biologiques. 1906. Vol. 12. № 4/5. P. 377–511; список трудов Иванова см.: *Скаткин П. Н.* Илья Иванович Иванов – выдающийся биолог...; документы о раннем периоде жизни и творчества находятся в Центральном государственном архиве Московской области в личном архивном фонде Иванова (ЦГАМО, ф. 837).

⁶ *Rohleder, H. O.* Die Zeugung beim Menschen. Eine sexualphysiologische Studie aus der Praxis. Mit Anhang: Die künstliche Zeugung (Befruchtung) beim Menschen. Leipzig: Georg Thieme, 1911; о ранней истории метода искусственного осеменения в медицине см.: *Poynter, F. N. L.* Hunter, Spallanzani, and the history of artificial insemination // *Medicine, Science, and Culture: Historical essays in honor of Owsei Temkin* / Ed. by G. Stevenson, R. P. Multhauf. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 1968. P. 97–113;

⁷ О ранних экспериментальных работах Иванова в области животноводства подробнее см.: *Скаткин П. Н.* Илья Иванович Иванов – выдающийся биолог...; *Rossianov K.* Beyond species: Ilya Ivanov and his experiments on cross-breeding humans with anthropoid apes// *Science in Context*. 2002. Vol.15. P. 277-316.

связь между «ощущениями» и физиологической функцией, не вызвав этим каких-то весьма серьезных последствий? И здесь потребовался длительный переходный период, прежде чем это представление стало восприниматься как нелепый, ни на чем не основанный предрассудок. Даже в 1920–1930-е гг. некоторые коннозаводчики все еще верили, что если в обычной практике использование искусственного осеменения допустимо, то для получения «выдающихся» представителей породы оно абсолютно не подходит, ибо в этом случае необходимо известного рода «вдохновение», - особое психическое состояние обоих родителей⁸.

Об атмосфере, сложившейся вокруг исследований Иванова, напишет его младший современник и ученик – видный эмбриолог М. М. Завадовский, подчеркивая враждебность к его работам специалистов-зоотехников и животноводов, полагавших,

что техника искусственного осеменения имеет противоестественный характер [...] Я впервые в жизни столкнулся с проявлением резкой борьбы с прогрессивным делом в области науки [...] Люди старых консервативных взглядов незаконно, грубо и логически неоправданно готовы были очернить человека только потому, что достигнутые им результаты противоречили их привычным представлениям о природе вещей. А Иванов, подобно Давиду, боролся с могучим Голиафом суеверия, самоуверенности, консерватизма и устоявшихся традиций. Уже позднее, наблюдая за этим небольшого роста человеком с седым венцом волос на голове и с внимательно глядящими серо-голубыми глазами на тонком, худом лице – с глазами, которые выражали опасение, что сейчас последует нападение, я нередко думал: «Как он одинок! Каким чудом этот сутулящийся, физически слабый человек держит ту тяжесть, которую он сам возложил на свои плечи. Какую веру в свое дело нужно было иметь, чтобы выносить это одиночество, невнимание, подчас пренебрежение»⁹.

И все же история исследований Иванова была не только историей непонимания и одиночества, но и успеха, победы над «предрассудками». В 1909г. он смог организовать собственную лабораторию – так называемое «Физиологическое отделение» Ветеринарной лаборатории, состоявшей, в свою очередь, при Ветеринарном управлении МВД. Именно ветеринары (а не специалисты в области зоотехнии) стали основными проводниками и распространителями метода. И объяснялось это не только централизованной организацией правительственной ветеринарии, но и тем, что в Ветеринарной лаборатории существовала система регулярно проводившихся «повторительных курсов» (что-то вроде нынешних курсов повышения квалификации), на которые приглашались специалисты, состоявшие не только на правительственной, но и на земской службе. Успеху в немалой степени способствовало и то, что Иванов смог упростить инструменты для искусственного осеменения, сделав возможным применение их в полевых условиях. А Главное управление государственного коннозаводства, заинтересованное в улучшении кадра кавалерийских лошадей, пошло даже на то, что согласилось за свой счет приобретать наборы этих инструментов и бесплатно высылать желающим. Всего к 1914 г. на свет благодаря искусственному осеменению появилось 6804 лошади, на юге России также проводились массовые опыты на овцах¹⁰.

⁸ См.: *Щекин В. А.* Несколько слов об искусственном оплодотворении (дискуссионно) // Коннозаводство и коневодство. 1922. 26 октября. С.1; упоминания об опасениях, вызванных «неестественностью» искусственного осеменения, можно найти и в более поздних источниках, см., например, *Marshall, F.H.A., Hammond, J.* Fertility and animal-breeding// Ministry of Agriculture and Fisheries. Bulletin no. 39. London, 1937. P. 20.

⁹ *Завадовский М. М.* Страницы жизни. История одного исследования. М.: Изд. Моск. Ун-та, 1991. С. 69–70.

¹⁰ *Иванов И. И.* Краткий отчет о деятельности физиологического отделения Ветеринарной лаборатории при Ветеринарном Управлении МВД, 1909–1913. СПб., 1913; *Idem.* On the use of artificial insemination for zootechnical

Но чьей же помощи был обязан Иванов успехом в столь масштабном деле, – успехом, достигнутым вопреки экспертам-зоотехникам, а, с другой стороны, поколебавшим традиционные представления о «естественном» размножении, которое свелось теперь к простому соединению двух клеток? При организации лаборатории (Физиологического отделения) он прибегнул к связям в академической среде, – в его поддержку выступили видные ученые: И. П. Павлов, а также возглавивший после смерти Ковалевского Зоологическую лабораторию АН В. В. Заленский и профессор зоологии Петербургского университета (впоследствии академик и ректор университета) В. М. Шимкевич. Опираясь на полученные от Павлова, Заленского и Шимкевича письма, начальник Ветеринарного управления В. Ф. Нагорский – один из передовых русских ветеринаров, еще в 1880-е гг. участвовавший в создании первых русских сибирезвенных вакцин, – смог в 1908г. добиться отпуска необходимых для открытия Физиологического отделения средств. Важно также, что Нагорский находился, по-видимому, в хороших отношениях с тогдашним министром внутренних дел и председателем Совета министров П. А. Столыпиным¹¹.

Любопытно, – и здесь мы, возможно, подходим к самому главному, – что применение искусственного осеменения не являлось, судя по всему, экономически оправданным: метод окупался только тогда, когда не учитывались бóльшие в данном случае затраты труда и времени ветеринара. Зато очень важным, если не решающим, доводом становится для Иванова сравнение русского животноводства (прежде всего коневодства) с европейским. Ведь именно русская отсталость – доля породистых лошадей была в десятки раз ниже, чем на Западе, составляя, по расчетам Иванова, всего 0,86% – делала искусственное осеменение столь важным делом, позволяя получать от одного производителя значительно больше потомства. И новый метод открывал, по словам Иванова, путь к «массовому улучшению» скота в относительно короткие сроки¹². Успех метода зависел тем самым от активных, не считающихся со скорой выгодой усилий государства, позднее поддержанных специалистами ряда земств. Именно по этой причине Россия и в самом деле опередила Запад, где широкое использование искусственного осеменения началось в конце 30-х гг., когда оно стало экономически оправданным в молочном животноводстве.

Таким образом, интуитивное убеждение в неестественности искусственного осеменения отступило не столько под прямым воздействием научных достижений и открытий, сколько перед лицом политических обстоятельств, – активной вовлеченности государства и нового поколения администраторов и специалистов, заинтересованных в ускоренной модернизации страны и ради этого ищущих поддержки у науки. Также и государственные расходы на сельскохозяйственную науку в целом существенно выросли именно при Столыпине¹³, с фигурой которого оказался связан курс на модернизацию «сверху» и циничная политика разрушения общины – после того

purposes in Russia // The Journal of Agricultural Science (London). 1922. Vol.12. P. 244–256; о покупке инструментов для искусственного осеменения государственным коннозаводством см.: *Ковалевский С.* Об искусственном оплодотворении // Ветеринарная жизнь. 1913. С. 119–121;

¹¹ См.: *Иванов И. И.* Краткий отчет...; письма ученых см.: ЦГАМО. Ф. 837. Оп. 1. Ед. хр. 519, 520, 522, 524; переписка Нагорского с Павловым опубликована в: *Переписка И. П. Павлова /* Ред.-сост. Н. М. Гуреева, Е. С. Кулябко, Л. В. Меркулов. Л.: Наука, 1970. С. 84–85; см. также письма В. Ф. Нагорского Иванову (ЦГАМО. Ф. 837. Оп.1. Д. 374).

¹² *К-ий.* По поводу искусственного оплодотворения // Ветеринарная жизнь. 1912. С. 676–677; *Ковалевский С.* Об искусственном оплодотворении // Ветеринарная жизнь. 1913. С. 119–121; *Благов Р.* Опыты искусственного оплодотворения лошадей в Мариупольском уезде весной 1912 года // Ветеринарное обозрение. 1912. С. 784–788; *Иванов И. И.* Искусственное оплодотворение домашних животных. Для ветеринарных врачей, сельских хозяев и коннозаводчиков. СПб., 1910.

¹³ См. *Elina O.* Planting seeds for the revolution: The rise of Russian agricultural science, 1860–1920 // *Science in Context.* 2002. Vol. 15. P. 209–237.

как «патриархальный» русский крестьянин из «естественного» союзника монархии превратился в источник прямой политической угрозы.

Поначалу, как вспоминал Иванов, использование искусственного осеменения натолкнулось на враждебное отношение крестьян, считавших его делом «богопротивным». Но очень скоро, как только крестьянам стало ясно, что они и вправду могут получить лучший приплод, они не только приняли новый метод, но даже стали предпочитать его естественной случке¹⁴. И в самом деле, ведь никаких твердых, осознанных убеждений, сравнимых хотя бы с профессиональными «принципами» специалистов-животноводов, за сопротивлением не стояло. Не на этом ли полученном опыте преодоления народных предрассудков основывалась и более поздняя высокомерная уверенность Иванова в том, что, демонстрируя «массам» гибрид человека и обезьяны, можно отучить их от «предрассудков» религиозных? И не чувство ли культурного превосходства над «темным», не сознающим вполне собственного блага народом родило Иванова с его патронами в правительстве, – как до революции, так и после?

Уже очень рано Иванов готов был пойти и дальше в разрушении традиционных разграничений между «естественным» и «неестественным». Выступая в 1910 г. на Международном зоологическом конгрессе в Граце (Австро-Венгрия), он предположил, что искусственное оплодотворение может быть использовано как для скрещивания различных видов животных между собою, так и для гибридизации человека с человекообразными обезьянами. Применение метода позволило бы, по его выражению, «снять» моральные возражения, а любая возможная критика моральной стороны этих опытов представлялась Иванову абсолютно вздорной. Ведь не человек же соединяется с обезьяной, а их клетки. Как же соединение двух клеток может быть безнравственным?¹⁵

Впрочем, найти в то время для подобного плана поддержку было действительно нелегко. Хотя никакой атеистической пропаганды у него тогда еще и в мыслях не было, но основным препятствием, согласно более позднему признанию Иванова, была предсказуемая реакция церкви с ее неколебимой убежденностью в Божественном происхождении человека и его достоинства. Впрочем, у Иванова, а также нескольких его сотрудников была в то время и масса других занятий. В частности, в предвоенные годы у него появился еще один патрон, не связанный с государством и бюрократией, – крупный помещик и пионер природоохранного движения в России Ф. Э. Фальц-Фейн, владелец и создатель знаменитого заповедника Аскания-Нова, который разрешил Иванову организовать в заповеднике специальную зоотехническую станцию на правах филиала петербургской лаборатории. С помощью искусственного оплодотворения Иванов смог получать гибриды между различными, не скрещивающимися, как в естественных условиях, так и в неволе, видами млекопитающих и птиц, представителей которых он мог во множестве найти в заповеднике и в зоопарке Фальц-Фейна¹⁶.

¹⁴ Иванов И. И. Искусственное оплодотворение млекопитающих как зоотехнический метод // Труды Второго Всероссийского съезда ветеринарных врачей в Москве. СПб., 1910. Вып. 4. С. 1205, 1209.

¹⁵ Iwanow E. Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung der Methode der künstlichen Befruchtung bei Säugetieren // Verhandlungen des VIII. Internationalen Zoologen-Kongresses zu Graz, 15.–20. August 1910 / Hrsgb. R. von Stummer-Traunfels. Jena: Fischer, 1912. S. 623–631.

¹⁶ Иванов И. И. Краткий отчет о деятельности физиологического отделения Ветеринарной лаборатории... Он же. Зоологический сад Ф.Э.Фальц-Фейна и его значение, как научно-зоотехнической станции // Труды Второго Всероссийского съезда ветеринарных врачей в Москве. СПб., 1910. Вып. 4. С. 1254–1261.

Идея же гибридизации человека и обезьяны вышла на первый план после того, как по всей системе практических и научных работ Иванова был нанесен страшный удар. Уже в 1914 г. практика искусственного осеменения сильно пострадала из-за призыва мужчин-ветеринаров в армию. Разразившаяся вскоре революция заставляет Иванова стоически претерпевать разнообразные трудности. «Я всегда, – напишет он позднее, – держался того мнения, что в бурю лучше всего пересидеть, хотя бы под лопухом, но ни в коем случае не выходить, разумеется, если только ты не ищешь сам бурь»¹⁷. Однако вскоре после переезда Ветеринарной лаборатории в 1918 г. в Москву Иванов по неясным причинам был вынужден оставить созданное им Физиологическое отделение и на пустом месте, в условиях полной разрухи создавать новую лабораторию – Центральную опытную станцию размножения домашних животных при Наркомземе. В то же время в планах большевиков науке и технике отводилось большое место, и это внимание к науке только усиливалось своего рода марксистским «комплексом отсталости», ибо им, «авангарду рабочего класса», пришлось по иронии судьбы действовать в стране, в которой подавляющее большинство населения составляли «отсталые» крестьянские массы. Уже в 1921г. – сразу после страшной разрухи! – советское правительство стало посылать за границу ученых для приобретения научной литературы и приборов. По постановлению Совнаркома (СНК) был командирован и Иванов для закупки инструментов для искусственного осеменения¹⁸. Во время состоявшейся в 1922 г. заграничной поездки Иванов после почти десятилетнего перерыва посетил Германию и Францию, задержавшись в Париже, где нашел теплый прием в Институте Пастера, в котором, в частности, обрел пристанище эмигрировавший из России его близкий друг, известный иммунолог С. И. Метальников.

В апреле 1922 г. в письме, отправленном из Парижа довоенному знакомому, американскому биологу Р. Перлу, Иванов напишет о планах искусственного осеменения обезьян спермой человека, а также о поисках финансовой поддержки этих планов в Европе и в Америке. Важным было, по-видимому, то, что этот план предстояло осуществлять в Африке, поскольку научная и практическая работа в России была еще сильно затруднена. Известную роль сыграл, скорее всего, и возраст, а также развивавшаяся болезнь сердца (грудная жаба), – Иванов понимал, что время активной работы в науке близится к концу и что если он хочет что-то еще сделать, то не имеет права ждать. (Кто бы мог сомневаться, что описание гибрида вошло бы во все учебники?)¹⁹

В дальнейшем намеченная программа исследований фигурирует уже в несколько измененном виде: опыты скрещивания предполагается поставить не только между обезьянами и человеком, но и между различными видами человекообразных обезьян. И поразительно, что еще через два года проект соглашается поддержать Пастеровский институт, когда Иванов вновь останавливается там во время очередной командировки за границу. В письме Иванову от 12 июня 1924 г. директор института, бывший соратник самого Пастера Эмиль Ру, а также его заместитель Альбер Кальметт характеризуют эти опыты как «возможные и желательные». (В еще одном отзыве, написанном через год, А. Кальметт от своего имени поддержит эксперименты даже в более энергичных выражениях и напишет об их «мировом значении».) Ру и Кальметт согласились

¹⁷ Иванов – Н. Я. Кузнецову [1928] // Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (далее – ПФА РАН). Ф. 793 (Н. Я. Кузнецов). Оп. 2. Ед. хр. 274. Л. 21.

¹⁸ Об отпуске золотой валюты Наркомзему для заграничной командировки проф. Иванова. Протокол № 244 (распорядительного) заседания СТО. 24.08.1921 // ГАРФ. Ф. Р-130 (СНК РСФСР). Оп. 5. Ед. хр. 429. Л. 6; также см.: отчет Иванова о командировке 1922 г. // ЦГАМО. Ф.837. Оп. 1. Ед. хр. 927.

¹⁹ Иванов – Р. Перлу (R. Pearl), 21.04.1922 // American Philosophical Society Library. R. Pearl Papers.

предоставить необходимых для опытов шимпанзе, имевшихся в обезьяньем питомнике, организованном незадолго до этого в местечке Киндия во Французской Гвинее, однако денег на поездку и опыты дать не смогли²⁰.

9 июня 1924 г. В. И. Вернадский, будучи также в это время в Париже, оставляет в дневнике благожелательную запись о встрече с Ивановым и – как о самом обычном деле – об опытах скрещивания человека с обезьяной, замечая: «Большевики очевидно ему дадут деньги»²¹. И действительно, надежды Иванова, на протяжении всей жизни остававшегося религиозно индифферентным, связаны теперь с тем, что он пытается эксплуатировать атеистические идеи большевиков, драматически усиленные их «комплексом отсталости», – страхом перед «темными» массами. 17 сентября 1924 г. Иванов пишет из Берлина докладную записку наркому просвещения А.В.Луначарскому и просит оказать финансовую поддержку в размере 15 тысяч долларов для проведения опытов гибридизации – «в интересах русской науки и пропаганды естественно-исторического мировоззрения в массах»²².



*Слушатели Рабочего антирелигиозного университета на экскурсии в Государственном Дарвиновском музее, Москва, 1920-е гг. Публикуется с разрешения Государственного Дарвиновского музея. (антирелигиозной) пропаганде».*²³

Но эти доводы не только не убедили беспартийного эксперта – рецензента проекта в Главнауке Наркомпроса, куда проект и все документы поступили от Луначарского, – профессора Н. А. Иванцова, но как будто и вызвали у него раздражение. Иванцов отметил, что

кроме скандала, который будет несомненно использован в самых разнообразных направлениях, и брошенных на ветер денег ничего не получится. [...] не лучше ли истратить эти деньги, при нашей бедности, на что-либо иное, легче осуществимое, как в отношении новых научных завоеваний [...] так и в отношении распространения уже имеющихся положительных научных знаний в народных массах, которое будет лучшим орудием борьбы с религиозными предрассудками, чем сомнительные по своей

²⁰ О том, что желание помочь Иванову было искренним, свидетельствует в своей частной переписке один из старших сотрудников Института, бывший ученик И. И. Мечникова А. М. Безредка. См.: А. М. Безредка – Л. А. Тарасевичу, 12.07.1924 // Архив РАН (далее – АРАН). Ф. 1538 (Тарасевич). Оп. 4. Ед. хр. 51; также см.: Э. Ру (E. Roux) и А. Кальметт (A. Calmette) – Иванову, 12.06.1924, А. Кальметт (A. Calmette) – Иванову, 9.04.1925 // ЦГАМО. Ф. 837. Оп. 1. Ед. Хр. 429. Л. 3–5.

²¹ В. И. Вернадский. Дневники. Март 1921 – август 1925. М.: Наука, 1998. С. 141.

²² Иванов И. И. Докладная записка народному комиссару просвещения А. В. Луначарскому, 17 .09.1924 // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А-2306 (Наркомпрос). Оп. 69. Ед. хр. 131. Л. 2–11.

²³ Новиков С. Н. – А. В. Луначарскому, 18.09.1924 // Там же. Л. 2–3.

успешности и крайне дорого стоящие эксперименты получения помесей между человеком и обезьянами путем искусственного оплодотворения.

С Иванцовым полностью, по его словам, согласился и заведующий Главнаукой старый член партии Ф. Н. Петров, в результате чего в поддержке Иванову было отказано. В официальной же записке, которую Главнаука направила в итоге в Наркомпрос, говорилось:

...Главнаука относится отрицательно при настоящей политической конъюнктуре к самой постановке опытов искусственного скрещивания человека с обезьяной, так как эти опыты могут вызвать совершенно обратный эффект со стороны широких масс²⁴.

Но поразительно, что даже выступая против опытов, – считая их для пропаганды атеизма бесполезными или вредными, – большевики ни слова не говорят об их этической уязвимости. И эта сторона дела ими нацело игнорируется. Но почему? Было ли это связано с их политическими воззрениями, требовавшими отказа от «старой» морали? Или этическим сомнениям и вправду нет места, коль скоро опыты скрещивания не предусматривают непосредственного, полового контакта человека и животного? – вот проблема, которая с этого момента начинает нас занимать.

Фактические же обстоятельства дальнейшего прохождения проекта «по инстанциям» таковы. Летом или осенью 1925 г. план Иванова решает поддержать Николай Петрович Горбунов, управляющий делами Совнаркома и один из наиболее видных организаторов советской науки в 20-е гг., который на протяжении последующих пяти лет будет неизменно помогать начинаниям Иванова. Химик-технолог по образованию он на всю жизнь сохранил серьезный интерес к науке. А его связи в партии и правительстве (в 1917–1920 гг. он был секретарем председателя Совнаркома В. И. Ленина) предоставляли колоссальные возможности для ее поддержки. Своим влиянием он был обязан и самой должности: согласно существовавшему положению, все решавшиеся на заседаниях СНК вопросы рассматривались по представлению управляющего делами. 21 сентября 1925 г. Горбунов вносит проект Иванова в повестку дня Финансовой комиссии СНК, которая рекомендует из средств возглавляемого Горбуновым Управления делами ассигновать 10 000 американских долларов Академии наук. Однако деньги эти можно было использовать, как мы бы сейчас сказали, исключительно «целевым образом» – для финансирования экспедиции Иванова в Африку. (При этом согласие самой Академии предполагалось получить позднее.) Через несколько дней решение было утверждено членом Политбюро, заместителем председателя Совнаркома и председателем Совета труда и обороны (СТО) Л. Б. Каменевым, который 25 сентября сообщил об этом на заседании СТО²⁵.

²⁴ Иванцов Н. А. Заключение по вопросу об отпуске средств проф. Иванову на производство опытов по получению помесей между человеком и высшими обезьянами // ГАРФ. Ф. А-2306. Оп. 69. Ед. хр. 131. Л. 13–15; резолюция Ф. Н. Петрова // Там же. Л. 13; Докладная записка Главнауки // Там же. Л. 12.

²⁵ О прохождении проекта Иванова в СТО см.: Секретное приложение к протоколу № 219 (СТО) заседания Административно-финансовой комиссии, 21.09.1925 // ГАРФ. Ф. Р-5446 (СНК). Оп. 72 (документы Л. Б. Каменева). Ед. хр. 216. Л. 47; Секретные протоколы Совета труда и обороны. Заседание от 25.09.1925. Протокол № 184-с // Там же. Ед. хр. 195. Л. 216; о Горбунове и его роли патрона науки см.: Подвигина Е. П. Николай Петрович Горбунов // Сост. Горбунов А.Н., Савина Г.А., Трошина А.П.. Николай Петрович Горбунов: Воспоминания, статьи, документы. М.: Наука, 1986. С. 5–41; Пархоменко А.А. Академик Н.П.Горбунов// Репрессированная наука. Вып. 1. Л.: Наука, 1991. С. 408-423; Россиянов К. О. Н. П. Горбунов и организация советской науки (Интервью К. О. Россиянова с А. Н. Горбуновым) // ВИЕТ. 2004. № 3. С. 89–102.

Так что же привлекло в этих опытах Горбунова? Возможность использовать их в качестве орудия антирелигиозной пропаганды среди «отсталых масс» или важность с точки зрения науки? К сожалению, мы не располагаем перепиской между Горбуновым и Ивановым, относящейся к этому времени, тогда как стенограммы заседаний СТО до сих пор остаются для исследователя недоступными. Однако вот что интересно: в связанных с экспедицией Иванова архивных материалах нет и намека на то, что гибрид, если бы был получен, предназначался для каких-то «секретных» целей. (В этом отношении можно было бы, например, подумать о неких медицинских опытах.) Напротив, успешная гибридизация рассматривалась как важное достижение само по себе, что предполагало, а не исключало публичность – предъявление «результата», в данном случае гибрида, общественности: будь то «чистая», научная публика, либо «темные» народные массы. И Горбунов прямо упоминает об этих опытах в переговорах, которые в октябре 1925 г. ведет в Париже с французскими учеными С. Леви и П. Ланжевенном об установлении культурного и научного сотрудничества между Францией и СССР. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС) помещает заметку об экспедиции в своем предназначенном для заграницы бюллетене. Наконец, несколько публикаций о намеченных Ивановым опытах появляется в советской печати²⁶.

Таким образом, Горбунов безусловно отдавал отчет в резонансе, который эксперименты вызовут в случае положительного исхода, но вовсе его не боялся и не пытался избежать, засекретив опыты, – напротив, сама эта огласка мыслилась не как скандал, не как раскрытие «постыдной тайны», а, скорее, как торжество советской науки, тем более знаменательное, что страна только недавно вышла из разрухи. Иванов же специально подчеркивал, что опередить европейскую науку возможно: ученые Запада признают за его опытами «исключительно важное научное значение», но не решаются приступить к ним сами из-за «неприемлемости этих опытов с точки зрения общепринятой морали и религии»²⁷.

Очевидно, что Иванов исходил из готовности большевиков «общепринятой моралью» пренебречь. Эта готовность следовала из более широкой постановки вопроса: скептического и даже враждебного отношения к идее «вечных» нравственных ценностей, ведь сам «автоматизм» восприятия узких, преходящих истин и ценностей как незыблемых, «естественных» и всеобщих был, по их мнению, воспитан классовым обществом. Подобная «деконструкция» зачастую воспринималась как «деструкция», – разрушение морали вообще; но ведь многое из того «вечного» и общечеловеческого, что было в Советском Союзе «выброшено за борт», вполне того заслуживало. Так, рассуждения о святости брака и семьи сочетались в царской России с юридическим неравенством мужчины и женщины и с безусловно жестоким отношением к внебрачным детям. При этом настороженное отношение к идее «абсолютных» нравственных ценностей было в 1920-е гг. распространено и среди прогрессивно мыслящих ученых Европы. Английский биолог Дж.Б.С.Холдейн, возможно, первым обратил внимание на то, что если новые

²⁶ О переговорах Горбунова с Леви и Ланжевенном см.: Горбунов Н. П. – И. И. Мирошникову, 9.10.1925 // ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 37. Ед. хр. 62. Л. 12 (мы благодарны профессору С. П. Стрекопытову, обратившему наше внимание на это письмо); содержание сводки ВОКС излагается в неподписанной статье: Savant to try hybridization of man and ape: Plans complete for experiment in Africa // Des Moines Sunday Register. 3 January 1926 (цит. по вырезке из архива Иванова: ЦГАМО. Ф. 837. Оп.1. Д. 414. Л. 2); см. также публикации в советских газетах: Экспедиция проф. Иванова в Африку. Опыты скрещивания человека с обезьяной. (Беседа с проф. Ивановым) // Вечерняя Москва. 1925. 14 октября; Экспедиция в Южную Африку: Опыты искусственного скрещивания обезьян с человеком // Там же. 24.11.1925; Опыты искусственного скрещивания обезьяны с человеком. Экспедиция проф. Иванова // Известия. 21.05.1927.

²⁷ См.: Иванов И. И. Докладная записка народному комиссару просвещения А. В. Луначарскому... Л. 7.

технические возможности, появляющиеся у человека в результате биологических открытий, не укладываются в привычные нравственные рамки, то нет никакого смысла идти на попятный, не задавшись сначала вопросом о смысле ограничений и запретов. «Мы должны, - писал он, - научиться не принимать традиционную мораль слишком всерьез.»²⁸

Так есть ли в запрете на нарушение границы между человеком и животным что-то от подлинной – а значит, рационально обоснованной, «объяснимой» – морали? Возможно, стоит лишь посильнее толкнуть «дверь», отделяющую человека от других видов, и обнаружится, что она не заперта: коль скоро нам под силу разрушить границу, то почему, исходя из каких общих принципов, должны мы *уважать* ее как «естественную»? Быть может, само восприятие этой границы как абсолютной и нравственно неприкосновенной есть лишь увеличенная проекция, чудовищно раздувшаяся «тень» наших собственных представлений о неизбежности социальных иерархий и перегородок, для которых при этом необходима какая-то внешняя, «естественная», «от века данная» точка отсчета.

Но прежде, чем спорить или соглашаться, следовало бы прислушаться к мнению ученых, рассмотрев отношение к опытам в научной среде.

2. Недостающее звено эволюции

Даже в наш век «большой науки» научные исследования все еще воспринимаются как личный поиск истины. Поэтому, анализируя отношение к исканиям Иванова со стороны других ученых, мы, возможно, сумеем приблизиться и к пониманию заинтересовавшей нас проблемы: почему опыты скрещивания человека с обезьяной могли восприниматься как «освобождение» личности, а не как «унижение» ее человеческого достоинства? Проблема достоинства тесно связана с попытками придать понятию «человек», – разумеемого как своего рода коллективный субъект, – положительное нравственное содержание. Но, чтобы санкционировать запрет на разрушение или размывание видовой границы, понятие это должно быть либо предельно ясным и «прозрачным», либо репрессивным, предполагающим послушное принятие того, что утверждается общественным мнением или «начальством». Однако обязательно ли тогда это общее, «родовое» содержание для мыслящей личности, которая может ведь и не согласиться с предписываемым ей определением собственной, «человеческой» сущности? И не лучше ли не иметь совсем никакого «общего содержания», чем иметь такое, насильственно навязанное?

Как утверждал Великий инквизитор в романе Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы», наполнить существование человечества смыслом и сплотить его в единое целое могут только три силы – «чудо, тайна и авторитет». Подобной «тайной» стало само происхождение человека, после того как для проблемы было найдено научное решение. Нападки представителей религиозной ортодоксии на теорию Дарвина воспринимались многими не только как посягательство на свободу научного исследования, но и как отрицание независимости критического суждения вообще, в том числе нравственного. И тот, кто, отвергая религиозные представления о существующей между человеком и животным пропасти, пытался перебросить поверх различий «мост», смотрел на себя как на выступающего за свободу и суверенные права личности. Одной из

²⁸ Haldane J.B.S. Daedalus; or, Science and the future. L.: K. Paul, Trench, Trubner & co., 1924. P. 90.

ставок в этой борьбе стала и проблема гибридизации человека и обезьяны, которая в начале XX в. стала привлекать к себе внимание биологов даже и вне зависимости от споров с клерикалами²⁹.

Согласно представлениям, высказанным Чарльзом Дарвином в «Происхождении человека и половом подборе» (1871 г.), у человека и человекообразных обезьян должен был существовать общий, позднее вымерший предок, а стало быть, промежуточные, связующие звенья могли сохраниться в виде ископаемых остатков. О них, однако, известно было совсем немного. Так, долгое время единственным «претендентом» на эту роль был неандерталец, кости которого были обнаружены в 1857 г. и фигурировали еще в известной книге Томаса Гексли, обосновавшего в 1863 г. анатомическую близость человека к человекообразным обезьянам. В 1891 г., следуя, в свою очередь, представлению знаменитого немецкого зоолога и эволюциониста Эрнста Геккеля (1834-1919) о возможной эволюционной связи между человеком и азиатскими обезьянами, на Яву отправился голландский врач и анатом Эжен Дюбуа (Eugène Dubois), который вскоре открыл там остатки питекантропа, еще более примитивного существа, чем неандерталец. Геккель приветствовал эту находку как открытие связующего звена между человеком и его предками. Последнее, однако, многими оспаривалось, и возражения эти в начале XX в. еще более усилились. Насколько животрепещущей была тема «связующих звеньев», можно судить по тому, что на протяжении нескольких десятилетий никаких новых серьезных находок сделано не было. Так называемый «родезийский человек», а также австралопитек и синантроп были открыты только в 1920-е гг.³⁰

И планы скрещивания человека и обезьяны могут быть поняты как реакция отдельных ученых на переживавшиеся дарвиновской теорией трудности. Так, упоминавшийся выше профессор-зоолог В. М. Шимкевич, который еще в начале XX в. обсуждал, по-видимому, свои идеи с Ивановым, писал (и, между прочим, в таком широко известном издании, как Словарь Брокгауза и Ефрона), что, поскольку для решения вопроса о предках человека «нам недостает переходных форм, некоторые указания можно надеяться получить путем скрещивания человека с антропоморфными обезьянами, что... станет возможным с усовершенствованием приемов искусственного оплодотворения»³¹.

На рубеже веков были также получены новые поразительные данные о биологической близости человека и человекообразных обезьян: образцы взятой у них крови, исследованные при помощи только что появившихся и еще не вполне совершенных серологических методов, оказались практически неотличимы друг от друга. Тогда же Г. Фриденталь – один из ученых, занимавшихся сравнительным изучением крови разных видов животных и человека, – пришел к выводу о том, что члены подотряда *Anthropomorphae*, включающего человека и человекообразных

²⁹ Об интересе к гибридам за пределами науки и прежде всего в художественной литературе XVIII – XIX вв. см.: *Morris R., Morris D. Men and Apes.* L.: Hutchinson, 1966. P. 54–82; см. также появившиеся в XX в. романы: *Vercors [Bruller J.] Les animaux dénaturés* Paris: A. Michel, [1952] (Русск. пер.: *Веркор. Люди или животные? // Веркор. Избранное.* М.: Радуга, 1990. С. 45–224); *Crichton, M. Congo.* London: Random House, 1980; *Høeg P. The woman and the ape / Transl. by V. Haveland.* Toronto: McClelland-Bantam, 1997.

³⁰ Правда, в 1912 г. в Пилтдауне (графство Сассекс, Англия) были обнаружены черепные кости еще одного «предка», однако находка эта была тогда же подвергнута сомнению, особенно сильному за пределами Англии. И действительно, как выяснилось позднее, ученые имели в данном случае дело со сфабрикованной кем-то фальшивкой. *Bowler, P. J. Theories of human evolution: A century of debate, 1844–1944.* Baltimore; L.: Johns Hopkins Univ. Press, 1986.

³¹ *Шимкевич В. М. Человек // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона.* СПб., 1903. Т. 75. С. 481; см. также: *Он же. Помеси и убудки.* СПб.; М.: Т-во М. О. Вольф, 1906. С. 14–15.

обезьян, могут дать потомство при скрещивании: ведь если клетки их крови столь похожи, то сходны должны быть и половые клетки³².

В 1908 г. осуществить скрещивание человека с человекообразными обезьянами предложил голландский натуралист из Маастрихта Г. М. Б. Мунс, который специально познакомился с методикой искусственного осеменения у практиковавшего в том же городе врача-гинеколога. В отличие от предшественников, высказывавшихся о проблеме бегло, он посвятил ей специальную брошюру, причем претенциозность названия: «Истина. Экспериментальные исследования о происхождении человека» подчеркивала, что обращается он не только и не столько к ученым, сколько к широкой общественности. Причина была проста: как объяснял сам Мунс, возбудить интерес в публике он намеревался, чтобы собрать средства, необходимые для задуманной им (но так и не состоявшейся) экспедиции во Французское Конго. Ведь именно там Мунс планировал осуществить опыты искусственного осеменения горилл и шимпанзе спермой человека. Об этом плане он еще в 1905 г. написал Э. Геккелю, который, в свою очередь, выразил надежду на успех, посчитав его «возможным» и сославшись при этом на результаты серологических исследований. Одобрительно отнесся к предприятию Мунса ученик и ближайший соратник Геккеля Л. Плате, который в рецензии на сочинение Мунса «от всего сердца» пожелал автору удачи.³³

Согласно Плате, положительный исход опытов стал бы еще одним и на этот раз абсолютно наглядным доказательством правильности дарвиновской теории происхождения человека, убеждая в этом даже далеких от науки людей. И здесь мы неизбежно погружаемся в тот полемический контекст, в котором протекала в то время деятельность Геккеля и его последователей. Ведь именно в полемике с религиозными догмами сложилось его философское мировоззрение, главное место в котором заняло представление об исключительно постепенном характере эволюционных переходов, что лишало идею Творения всякого существенного смысла. Геккель и его сторонники усматривали элементы «психической жизни» у простейших организмов и даже... у кристаллов. В результате дуалистическое различие, пропасть между обладающим душой «человеком» и «животным», а равно между живым и неорганическим миром оказывалась «перекрытой» непрерывной цепью постепенных переходов. И это, делая ненужным Творение, позволяло утвердить идею единства Бога и мира (Геккель не был в строгом смысле слова атеистом). В 1906г. Геккель создает организацию единомышленников, т.н. Союз монистов (Monistenbund). Уже через несколько лет он насчитывает тысячи членов, в числе которых и целый ряд известных ученых (например, В.Оствальд).

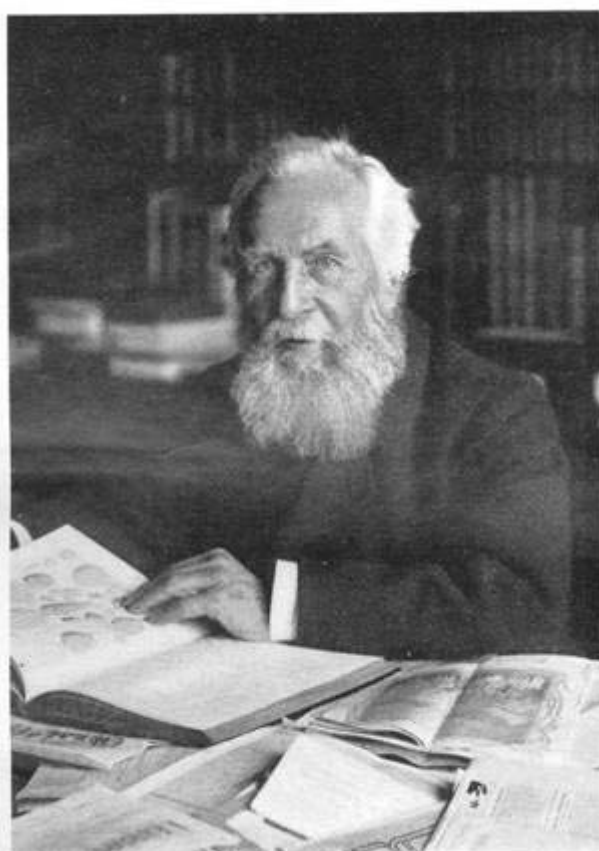
При этом проблема происхождения человека стала в Германии начала XXв. полем битвы между наукой и религией именно потому, что полемика велась не только вокруг философских идей, но и конкретных фактов. Важно, что речь шла не о «душе», которую нельзя обнаружить научными методами, но которая, тем не менее, «существует», а об эмпирически наблюдаемой

³²Об этом же писал и доцент Фрайбургского университета К. Гюнтер. См. *Guenther, K. Vom Urtier zum Menschen. Ein Bilderatlas zur Abstammungs- und Entwicklungsgeschichte des Menschen.* Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1909. Bd. 2. S. 126; также см.: *Friedenthal, H. Über einen experimentellen Nachweis von Blutsverwandtschaft // Archiv für Anatomie und Physiologie, Physiologische Abt.* 1900. H. 5/6. S. 494–508.

³³*Moens, H. M. B. Truth: Experimental researches about the descent of man.* L.: A.Owen, 1908; рецензии см.: *Plate, L. // Archiv für Rassen- und Gesellschafts-Biologie.* 1908. Bd. 5. S. 568–569; *Mahoudeau, P.-G. L'origine de l'homme au point de vue expérimental // Revue de l'Ecole d'anthropologie.* 1909. P. 149–155; письмо Геккеля Мунсу см.: *Ernst Haeckel over Bastaardering // Vakblad voor Biologen.* 1960. No. 7. P. 132; письма Мунса Геккелю находятся в Архиве Э. Геккеля // *Ernst Haeckel Haus, Universität Jena*; подробнее о Мунсе см.: *Rooy, P. de. In search of perfection: The creation of missing link // Ape, man, apeman: Changing views since 1600 / Ed. by R. Corbey, B. Theunissen. Leiden, 1995. P. 195–207.*

реальности, - биологическом родстве человека и высших обезьян. Вскоре после основания Союза монистов Геккеля публично обвинят в фальсификации, - в том, что, пытаясь доказать сходство эмбрионального развития человека и близких ему видов животных, он в сделанных им схематических рисунках тенденциозно исказил действительное положение дел. На его защиту в 1908 г. выступят с коллективным обращением 46 немецких профессоров. Примерно в это же время клерикально настроенный ученый А.Брасс заявил, что фундаментальные различия между человеком и человекообразными обезьянами якобы заметны даже на клеточном уровне: их яйцеклетки можно безошибочно отличить друг от друга при наблюдении под микроскопом. И эти голословные утверждения задевали не только личное достоинство Геккеля как ученого, но и достоинство научного знания. Неслучайно, он вел уже речь о напоминающей преследования инквизиции травле науки «клерикалами» и «иезуитами», а в вышедшей в 1910 г. книге писал «о борьбе не на жизнь, а на смерть», о том, что будет отстаивать истину «до последней капли крови».³⁴

Не приходится, по-видимому, сомневаться: увенчайся опыт скрещивания человека с человекообразными обезьянами «положительным» результатом, «успех» приобрел бы особое значение в контексте оспариваемых фактов эволюционной близости между человеком и другими видами животных. То, что в целом Геккель относился к идее скрещивания благожелательно, подтвердилось еще раз, после того как идея была высказана новым автором, Г. Роледером, - сначала на заседании Лейпцигского отделения Союза монистов в 1915г., а затем и в появившейся тремя годами позднее книге. И несмотря на старость и упадок сил, Геккель вполне заинтересованно переписывался с Роледером, разрешив, в частности, посвятить себе книгу. В отличие от Мунса, Роледер был не натуралистом-любителем, а признанным ученым, одним из основоположников немецкой сексологии, и книга его представляла собой уже не памфлет, как у Мунса, а фундаментальную и строго научную монографию. Роледер намеревался провести опыты искусственного осеменения самок шимпанзе семенем человека в немецком питомнике, созданном еще в 1912 г. на острове Тенерифе (Канарские острова). И



Ernst Haeckel

Эрнст Геккель (1834-1919) – знаменитый немецкий зоолог и эволюционист, создатель Союза монистов.

³⁴*Haeckel, E.* Sandalion. Eine offene Antwort auf die Fälschungs-Anklagen der Jesuiten. Frankfurt a. M.: Neuer Frankfurter Verlag, 1910; см. также *Kelly, A.* The descent of Darwin: The popularization of Darwinism in Germany, 1860-1914. Chapel Hill: Univ. of North Carolina Press, 1981; *Daum, A.W.* Wissenschaftspopularisierung im 19. Jahrhundert. Bürgerliche Kultur, naturwissenschaftliche Bildung und die deutsche Öffentlichkeit, 1848-1914. München: Oldenbourg, 1998.

только тяжелые обстоятельства военного, а затем послевоенного времени сделали его планы невозможными, - из-за бушевавшей в Германии инфляции станция на Тенерифе была закрыта³⁵.

И как можно, спрашивал Роледер в своей книге, считать получение гибрида делом неестественным, коль скоро опыты эти позволяют воссоздать те переходные ступени, то богатство форм, которое когда-то существовало в эволюционном промежутке между человеком и обезьяной, но было утрачено в ходе последующей эволюции и вымирания связующих звеньев? Нельзя также относиться к опытам как к безнравственным. Согласно его мнению (близкому, впрочем, к тому, что говорилось ранее Ивановым), аморальным может быть «чувство», - половое влечение к животному; в данном же случае какие бы то ни было ощущения и чувства «выносятся за скобки», поскольку скрещивание проводится посредством искусственного оплодотворения.³⁶

Монисты смотрели на себя как на сторонников научного мировоззрения и защитников прав личности, приверженцами же догмы были для них представители религиозных кругов. И все же, веря в сугубую постепенность, абсолютную континуальность эволюционных превращений, они и сами во многом отклонялись от прочно установленного, выдавая в итоге «желаемое за действительное». И в этом смысле идеологическая заданность, – несущая угрозу свободному от каких бы то ни было догм, критическому суждению личности, – бесспорно присутствовала в планах последователей Геккеля: Роледера и Мунса. Совершенно очевидна и другая идеологическая составляющая - присущий Геккелю и его сторонникам доктринальный расизм, который до Второй мировой войны был широко распространен даже в образованной среде. Так, по мнению Роледера, шансы на «успех» возрастут, если в качестве доноров семени выступят местные жители Канарских островов, в жилах которых имелась, по его мнению, значительная примесь крови «низших» рас. В переписке с Мунсом Геккель настаивал: в опытах искусственного оплодотворения следует использовать семя негров, что значительно повысит шансы на положительный исход скрещиваний.

Тем самым биологическая идея гибридизации человека с другими видами животных приобретала намного более широкое значение в рамках «идеологии», – будь то постулирующий сугубую постепенность эволюционных превращений монизм, либо стремящийся немедленно разрушить «буржуазные предрассудки» большевизм, либо искусственно сближавший «низшие» расы с обезьянами расизм. Не эта ли идеологическая значимость опытов заглушила естественное нравственное чувство, позволив в конечном счете осуществить эксперименты на практике? Но если так, то это очевидно противоречит высказанному нами предположению о том, что опыты гибридизации связаны с великой идеей эмансипации личности, – эмансипации от любых принимаемых на веру догм. Или же верно как раз обратное: идеология лишь помогала разрушить

³⁵ Немецкий питомник шимпанзе предназначался для изучения проблем высшей нервной деятельности, и именно там В. Келер заложил в знаменитых опытах основы гештальтпсихологии. См.: *Ash, M. G. Gestalt psychology in German culture, 1890–1967: Holism and the quest for objectivity.* Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1995. P. 148–167; *Rohleder, H. O. Künstliche Zeugung und Anthropogenie // Monographien über Zeugung beim Menschen.* Leipzig: G. Thieme, 1918. Bd. 6; подробнее о Роледере см. *Geus, A. 1997. Anthropogenie und Menschenzucht. Biologische Utopien im 19. Und 20. Jahrhundert// Hrsgb. H.-K.Schmutz, Phantastische Lebensräume, Phantome und Phantasmen.* Marburg: Basiliken-Press, 1997. S. 221–238; письма Роледера Э. Геккелю находятся в архиве Э. Геккеля, мы глубоко признательны доктору Эрике Краусе (Erika Krause) за помощь в поиске этих писем.

³⁶ То, что опыты не являются наказуемыми, подтвердил позднее, в середине 20-х гг., специалист по немецкому уголовному праву, когда, прослышавши об экспедиции Иванова, к нему обратился редактор немецкого медицинского журнала. См. *Schwalbe, J. Biologische Verwandtschaft zwischen Mensch und anthropoidem Affen: Korrespondenzen// Deutsche medizinische Wochenschrift.* 6 August 1926. Bd.52. Nr.32. S. 1351; *Idem. Biologische Verwandtschaft zwischen Mensch und anthropoidem Affen: Feuilleton// Ibid.* 27 Aug. 1926. Bd. 52. Nr.35. S. 1479-1480.

оковы отживших, «стадных» предрассудков, заставлявших «обывателя» смотреть на опыты как на нечто неприемлемое и чудовищное?

И здесь, пожалуй, самое время вернуться к тому, как проходило дальнейшее обсуждение планов Иванова в Советском Союзе. Доводы в защиту опытов, адресовавшиеся большевикам, были, как помним, окрашены в атеистические тона, не имея при этом ничего общего с расизмом. Но что говорилось об этих опытах в научной среде? Ведь, как указывалось в предыдущей главе, решение Каменева и СТО о выделении средств Иванову предполагало, что опыты будут одобрены Академией наук.

Не только в Европе и Америке, но даже в России, стране Пушкина, многие антропологи и зоологи как об установленном факте писали тогда о биологическом «неравенстве» рас. С другой стороны, явно выраженных расовых аргументов в документах о подготовке экспедиции Иванова как будто не содержится. Они, по-видимому, не прозвучали и в докладе, с которым он выступил 30 сентября 1925 г. в Академии наук в Ленинграде, прибыв туда по приглашению непрямого секретаря Академии С. Ф. Ольденбурга.

Получение гибридов между различными видами антропоидов, – отмечал Иванов в кратком, представленном в Академию тексте доклада, – весьма вероятно [...] Рождение гибридной формы между человеком и антропоидом менее вероятно, но возможность его далеко не исключена. [...] Опыты эти могут дать чрезвычайно интересный материал для выяснения вопроса о происхождении человека и ряда вопросов в области наследственности, эмбриологии, патологии и сравнительной психологии³⁷.

О содержании доклада Иванова Ольденбург сообщил на прошедшем в тот же день заседании Отделения физико-математических наук. На нем присутствовали компетентные зоологи: исполняющий обязанности директора Зоологического музея академик А.А.Бялыницкий-Бируля и занимавший эту должность в прошлом академик Н.В.Насонов, а также президент Академии А.П.Карпинский, вице-президент В.А.Стеклов, академик-секретарь отделения А.Е.Ферсман, академики И.П.Павлов, А.А.Белопольский, Н.С.Курнаков, В.Н.Ипатьев, П.П.Лазарев, А.Ф.Иоффе, Я.В.Успенский, Д.П.Коновалов, В.Л.Омелянский, С.П.Костычев, Ф.Ю.Левинсон-Лессинг и В.Л.Комаров. Согласно одному из пунктов протокола (на заседании обсуждались и другие вопросы) «намеченная профессором Ивановым работа была признана заслуживающей большого внимания и полной поддержки». Отделение постановило признать за проектом «большое научное значение, о чем довести до сведения Управления делами Совнаркома СССР»³⁸.

Примечательно, что в прочитанном Ивановым докладе не только не приводилось расистских доводов об эволюционной близости негров к обезьянам, но и, в отличие от предшествовавших обращений к большевикам, не было, по-видимому, сказано ни слова ни об атеизме, ни о материализме. Любой намек на это способен был, по-видимому, раздражить присутствовавших, многие из которых могли относиться к религии равнодушно или критически,

³⁷ Иванов И. И. В Физико-математическое отделение Всесоюзной Академии наук, 30.09.1925 // ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 2 – 1925. Ед. хр. 22 (Приложения к протоколу заседания Отделения физико-математических наук № XIII от 30.09.1925г.). Л. 51-52.

³⁸ Протокол XIII заседания Отделения физико-математических наук от 30.09.1925г. // ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а – 1925. Ед. хр. 174. Л.91

но при этом не одобрять политику насильственного насаждения атеизма³⁹. Но, несмотря на то, что тон Иванова оставался идеологически нейтральным, в планах скрещивания человека с обезьяной чувствуется ведь и связанная с *самими опытами* этическая неясность.

Совершенно очевидно, что Академия никогда не взяла бы на себя полную, «единоличную» ответственность за опыты гибридизации человека и обезьяны перед лицом возможного скандала и реакции «обывателя». В официальном командировочном удостоверении, выданном Академией наук Иванову, также говорилось о том, что он посылается в Африку «для работ по вопросам гибридизации антропоидных обезьян». Но ведь, выступая в Академии, Иванов все же открыто сказал и об опытах гибридизации человека с обезьяной. Об этом же говорилось и в представленных им двух «письмах поддержки» за подписями Э. Ру и А. Кальметта⁴⁰. Так почему же Академия против этих планов не возражала?

Отсутствие возражений можно было бы объяснить тем, что деньги на экспедицию были уже ассигнованы и притом – не Академией. К тому же вслед за пышно отпразднованным 5–14 сентября 1925 г. 200-летним юбилеем Академия переживала «медовый месяц» в отношениях с правительством, а непреходящий секретарь Ольденбург поддерживал тесные связи с Горбуновым, который стал куратором Академии после ее перехода из ведения Наркомпроса в непосредственное подчинение союзному правительству.⁴¹ Однако этих объяснений недостаточно. При всей важности хороших отношений с правительством, а также корпоративной солидарности с Ивановым, который все-таки был для академиков «своим» – представителем старой, дореволюционной науки, Академия не стала бы в угоду правительству поддерживать явно аморальные опыты.

Поскольку об экспедиции Иванова было достаточно широко известно в научных кругах, то можно предположить, что и кто-то из ученых мог, подобно нам, испытывать такое же чувство отвращения против опытов скрещивания человека с обезьянами. Однако ясно сформулировать этические доводы никто, по-видимому, не смог или не захотел. И даже, как помним, нерасположенный к Иванову рецензент его проекта в Главнауке профессор Н.А.Иванцов, написавший в своем отзыве о скандале, который опыты могут вызвать, ни словом не упомянул об их нравственной «ущербности».

Если этические возражения у кого-то и были, то носили такой характер, что их, по-видимому, трудно было принимать всерьез, – подобного мнения придерживался, в частности, Н.И.Вавилов, приславший Иванову накануне его отъезда в экспедицию текст своей работы «Междувидовая гибридизация и ее практическое применение»: «Не обращайте внимания на всю болтовню, которая связана с Вашей поездкой. Черт с ней!» Об этом же, – что возражения против опытов скрещивания человека с обезьяной можно просто отбросить как продиктованные явно обветшавшими представлениями, – писал и директор Зоологического института Московского

³⁹ Характерной в этом отношении выглядит позиция Павлова, в Бога, по-видимому, не верившего, но защищавшего права верующих. См. Григорьян Н. А. Иван Петрович Павлов. 1849–1936. Ученый. Гражданин. Гуманист. М.: Наука, 1999. С. 161–165.

⁴⁰ Письма Кальметта и Ру – см. ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 2 – 1925. Ед.хр. 22. Л. 49-50; см. также: Удостоверение АН СССР Иванову И. И. о командировке в Африку. 30.01.1926. № 934. Цит. по заверенной машинописной копии // ЦГАМО. Ф. 837. Оп. 1. Ед. хр. 968.

⁴¹ О праздновании юбилея АН см. Сорокина М.Ю. Двухсотлетний юбилей Академии наук // Нестор. № 9. На переломе. Отечественная наука в конце XIX – XX веке: источники, исследования, историография. Вып. 3. СПб.: Нестор-История, 2005. С. 206-235.

университета и один из пионеров природоохранного движения в нашей стране профессор Г.А.Кожевников. По его мнению, Иванов поставил перед собой вопрос,

подойти к которому до сих пор не решаются западноевропейские ученые, вероятно, из-за некоторых предрассудков, являющихся пережитками старинного мирозерцания – это вопрос о скрещивании обезьяны с человеком. При современной технике этого дела [...] можно рассчитывать на успех оплодотворения шимпанзе спермой человека, а если бы удалось получить помесь, это было бы крупным торжеством науки в СССР, фактом мирового значения⁴².

По-видимому, моральные доводы против опытов Иванова связывались в сознании большинства ученых либо с религиозной картиной мира, противопоставлявшей человека животному (что было, с их точки зрения, неверным), либо же с прямой эксплуатацией невежества и предрассудков толпы, – все с теми же «чудом, тайной и авторитетом». Об этом в начале века прямо сказал В. М. Шимкевич (он умер в 1923г. еще до обсуждения планов Иванова в АН): «Во всяком случае, мы не вправе останавливаться перед этим экспериментом (искусственного оплодотворения антропоидных обезьян семенем человека. – *К. Р.*) в силу соображений того же порядка, которые в средние века приводили на костер женщин, заподозренных в сношении с животными и рождении противоестественных ублютков»⁴³.

И здесь мы приходим к неизбежному, по-видимому, выводу относительно нравственной оценки опытов Иванова. Неудивительно, что в опытах этих не усматривали ничего дурного большевики, считавшие себя «воинствующими безбожниками» и нравственными реформаторами. Понятно и то, почему опыты поддерживались немецкими монистами – последователями Геккеля. Однако благожелательно отнеслись к ним также и ученые, не имевшие ничего общего ни с большевизмом, ни с монизмом, ни с атеизмом, политически и идеологически не ангажированные. Среди них – Э. Ру, А. Кальметт, В.М. Шимкевич, Г. А. Кожевников, а также В. И. Вернадский и Н. И. Вавилов, известные своей репутацией исключительной честности и порядочности. И это на самом деле говорит о том, что выдвинуть убедительные этические доводы против опытов скрещивания очень непросто, как бы не хотелось нам поверить в обратное. Возможно, сформулировать их и нельзя вообще, если следовать «современной», а не «средневековой» морали. Морали, которая на первый план выдвигает личность, безнравственным же признает то, что приносит вред конкретным людям, но никак не «оскорбление» или «порушение» возвышающихся над личностью «сущностей» (будь «сущностью» даже само родовое понятие «человека» или «человечества»).

Но насколько правдоподобна сама возможность создания гибридов человека и человекообразных обезьян? Ведь только в последние десятилетия в распоряжении экспериментаторов появились технические средства, которым «природа» действительно не сможет «противиться», – вполне реалистично, например, выглядят планы создания химер, либо

⁴² Вавилов Н.И. – И.И.Иванову, 27.01.1926 // ЦГАМО. Ф. 837. Оп. 1. Ед. хр. 342. Опул. в: Н. И. Вавилов. Из эпистолярного наследия, 1911–1928 // Научное наследство. М., 1980. Т. 5. С. 251–252; *Кожевников Г.А.* О необходимости устройства центрального обезьянника, 15.09.1925 (Копия) // Архив Национального НИИ общественного здоровья (бывш. НИИ им. Н. А. Семашко). Ф. 28 (В.Д.Шервинский). Оп. 12. Ед. хр. 1. Л. 93–94. Мы глубоко признательны профессору М.Б.Мирскому за разрешение ознакомиться с материалами фонда Шервинского. Подлинник письма Кожевникова находился в Архиве Института экспериментальной патологии и терапии в Сухуми. *Фридман Э.П.* История Сухумского питомника обезьян... Приложение 2. С. 1.

⁴³ *Шимкевич В. М.* Помеси и ублюдки. СПб.; М.: Т-во М. О. Вольф, 1906. С. 15.

внедрения больших фрагментов генетического материала человека в геном других видов, что становится осуществимым по мере развития новой техники «искусственных хромосом». Однако достаточно ли для достижения подобного результата - получения гибридных организмов - совсем «простой» методики искусственного оплодотворения? Если кто-то решится смешать половые клетки двух видов, про которые мы точно знаем, что они никогда не образуют развивающегося зародыша (например, человека и крокодила), то можно ли увидеть в этом какую-либо погрешность против морали? В этом случае опыты Иванова следовало бы рассматривать как своего рода исторический курьез, а не прообраз нравственных затруднений современной экспериментальной биологии.

Самому Иванову рождение гибрида казалось не просто возможным (как утверждалось в докладе, написанном для Академии наук), но и настолько вероятным, что перед отъездом в экспедицию он напряженно раздумывал, куда бы поместить оплодотворенных самок шимпанзе по возвращении, – в том случае, если дожидаться рождения гибрида в Африке он не успеет из-за ограниченных сроков, а также бюджета экспедиции. Вместе с Г. А. Кожевниковым он предложил организовать специальный питомник обезьян при Институте экспериментальной эндокринологии Наркомздрава. Обращение в ИЭЭ объяснялось тем, что в то время обезьян в Европе уже начали широко использовать в операциях омоложения путем пересадки их половых желез человеку. И действительно, за это предложение прямо-таки ухватился помощник директора ИЭЭ и давний знакомый Иванова ветеринар Я.А.Тоболкин. В результате перед отъездом из Москвы 4 февраля 1926 г. Иванов заручился полномочиями не только от АН и СНК, но и от ИЭЭ, поручившего выяснить возможность закупки обезьян в Европе и Африке⁴⁴. Впрочем, пребывание Иванова на станции Пастеровского института в Киндии окажется недолгим. Отсутствие на станции взрослых, половозрелых шимпанзе (абсолютно непредвиденное, буквально ошеломившее Иванова обстоятельство), а также приближающийся сезон дождей вынудили его выехать 21 апреля из Африки в Париж, где Иванов и проведет время до ноября, работая в различных лабораториях. Единственным же «достижением» за время пребывания в Африке стало дружеское знакомство с губернатором Гвинеи Полем Пуаре. Оказавшийся ровесником Иванова 56-летний администратор откровенно скучал без образованных собеседников и потому не раз принимал Иванова, ведя с ним долгие беседы, в своем дворце в Конакри. Именно Пуаре поможет ему позднее закупить необходимых для советского питомника обезьян, а также устроить в пригороде Конакри собственный временный обезьянник, в котором Иванов и проведет опыты скрещивания.⁴⁵

Важно, однако, что и с точки зрения современной науки «успех» скрещивания не исключается, и будь Иванов немного удачливей, решать, как поступить с гибридом, пришлось бы

⁴⁴ Идея операций омоложения исходила от французского хирурга русского происхождения С. А. Воронова, заявлявшего о возможности достичь реального омоложения. Ошибочность этих заявлений стала ясна уже к началу 30-х гг. См.: *Hamilton, D. The monkey gland affair.* L.: Chatto and Windus, 1986; об омоложении в СССР см.: Омоложение. Сборник статей / Ред. Н. К. Кольцов М.; Пг.: ГИЗ, 1923; Омоложение: Второй сборник статей / Ред. Н. К. Кольцов М.; Пг.: ГИЗ, 1924; *Мирский М.Б.* История отечественной трансплантологии. М.: Медицина, 1985. О данных Иванову полномочиях см.: Протокол заседания Комиссии по устройству обезьяньего питомника. 7.12.1925 (заверенная копия) // ЦГАМО. Ф. 837. Оп. 1. Ед. хр. 1005; Удостоверение Наркомздрава РСФСР с поручением о закупке обезьян. 29.12. 1925 // ЦГАМО. Ф. 837. Оп. 1. Ед. хр. 1006.

⁴⁵ События экспедиции изложены в дневнике Иванова, 16.03.1926 – 22.07.1927 // ЦГАМО. Ф. 837. Оп. 1. Ед. хр. 988; ход экспериментов – в двух лабораторных дневниках: 3.06. – 12.10.1926 // Там же. Ед. хр. 158; 12.01 – 18.07.1927 // Там же. Ед.хр. 987; см. также: Записи (без заглавия) об искусственном осеменении обезьян // Там же. Ед. хр. 1007. См. также: *Иванов И. И.* Отчет по командировке в Западную Африку, 22.12.1927 // ГАРФ. Ф. 3316 (ЦИК СССР). Оп. 45. Ед. хр. 18. Л. 61–109.

уже не нам, а современникам Иванова. Хотя в середине 50-х гг. и было установлено, что у человека и шимпанзе разное число хромосом (46 – у человека и 48 – у шимпанзе), директор Иеркесовского приматологического института в Атланте, один из «отцов-основателей» американской национальной приматологической программы Дж. Борн писал в 1971г. о принципиальной возможности получения – путем искусственного осеменения – жизнеспособного гибрида человека и шимпанзе, недоумевая при этом, что подобные опыты до сих пор не поставлены. В том же году профессор Иельского университета, специалист в области межвидовой гибридизации животных Ч. Ремингтон привел в печати подробную схему таких опытов. Позднее было показано, что сперматозоиды человека способны проникать в яйцеклетку человекообразных обезьян. Различное же число хромосом у родителей еще не означает, что развитие гибридного зародыша невозможно, хотя и резко снижает шансы на то, что полученные гибриды будут в дальнейшем плодовиты.⁴⁶

В СССР профессор Московского университета антрополог и приматолог М.Ф.Нестурх выразил, – открывая в 1973г. научную конференцию и комментируя прочитанное в книге Борна, – твердую уверенность в возможности получения «при помощи искусственного оплодотворения» гибрида между человеком и антропоидными обезьянами и отметил:

...При успехе [...] возникнут столь многие проблемы биологического и иного порядка, что сейчас самое полезное будет закрыть занавес [...] Но не удержусь и провозглашу здравицу ЗА ЖИВОГО ПОМЕШНОГО ОБЕЗЬЯНОЧЕЛОВЕКА: SALUTO TE, HOMOSIMIE SANGUIMIXTE!... При успехе возникнут новые крупные проблемы биологического и социального порядка. Но смущаться ученому тут нечего. И в заключение я хочу по этому случаю, опережая события, провозгласить еще раз здравицу помесному гомункулюсу⁴⁷.

В словах Нестурха звучит искренняя преданность идее, но представляется, что он ни за что бы не стал говорить об этой идее публично – пусть даже перед симпатизирующими ему, патриарху отечественной приматологии, учеными, – если бы знал, что она может быть воспринята не только как необычная или экстравагантная, но и как нравственно небезупречная. И значит, - возвращаясь к теме нравственной оценки опытов, - наше интуитивное отвращение определялось и определяется отжившими предрассудками? А симпатизировавшие Иванову ученые просто поняли это скорее, чем остальные, над кем иррациональные, средневековые табу до сих пор сохраняют свою власть?

3. Люди ли негры?

Как отмечалось в предыдущей главе, единственный критерий, с которым мы могли бы подойти к моральной оценке опытов, заключается в возможном нарушении прав и интересов личности. Но где же та личность, которой эксперименты гибридизации причинили бы вред? Мы могли бы приписать известный этический статус гибриду, посчитав, что он не просто «животное», но должен находиться под защитой закона и незыблемых нравственных принципов, принятых по отношению к людям. И допуская, что существование гибрида было бы мучительно и для него

⁴⁶ Bourne, G. H. The ape people. N. Y.: G. P. Putnam's Sons, 1971. P. 261–262; Remington, Ch. L. An experimental study of man's genetic relationship to great apes, by means of interspecific hybridization // Katz J. Experimentation with human beings. N. Y.: Russel Sage, 1971. P. 461–464; Bedford J.M. Why mammalian gametes don't mix // Nature. 1981. Vol.291. P. 287.

⁴⁷ Нестурх М. Ф. Вступительное слово // Биология и акклиматизация обезьян (Материалы симпозиума 15–17 октября 1973 г.) М.: Наука, 1973. С. 7–8.

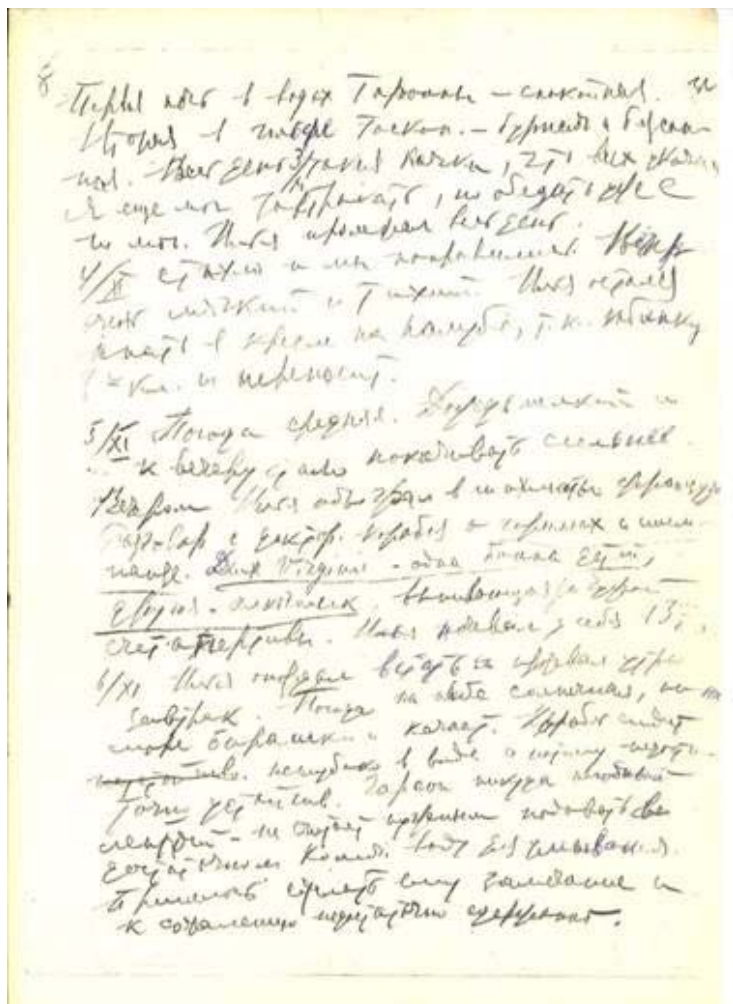
самого и для окружающих, мы и вправду пришли бы к выводу, что опыты проводить нельзя. Но если идея нравственных обязательств справедлива по отношению к гибридам, то не означает ли это, что обязательства распространяются и далее, - на представителей других, наиболее близких человеку видов?

К подобным вопросам Иванов оставался поразительно равнодушен, и в этом, на наш взгляд, заключается принципиальный изъян его опытов. Любопытно, что во всем архивном и тем более опубликованном наследии Иванова нет ни слова об ожидавшей гибрида человека и обезьяны участи. Лишь раз он с раздражением отметил, что подобные разговоры ненаучны, имея, очевидно, в виду, что они преждевременны. Можно предположить, что гибриду, или, как выразился М.Ф.Нестурх, «помесному гомункулусу» был бы все же дарован определенный этический статус, и он, по крайней мере, был бы избавлен от жестоких опытов. Но какой бы ни была возможная судьба гибрида, абсолютно ясно одно: Иванову чуждо было представление о том, что появление его на свет должно хоть как-то изменить статус второго родителя – обезьяны. Сама возможность того, что резкое сокращение биологического расстояния между человеком и обезьяной, а также появление новых, непосредственных «уз родства» заставят признать за человекообразными обезьянами хотя бы какой-то этический статус, ограничивающий произвол экспериментатора, – даже не приходила ему в голову. От ученого-экспериментатора вообще-то не следует ожидать признания «прав» лабораторных животных. Однако все экспериментаторы (и даже защитники животных – противники вивисекции) исходили из факта безусловного отличия человека от животного, на что Иванов опираться уже бы не мог. О какой уж тут безусловности могла бы идти речь, коль скоро ученый доподлинно знал бы, что изучаемая им обезьяна может в принципе, – стоит только «захотеть», – стать «матерью его детей». Но, несмотря на это, Иванов принимал как данность, что даже после рождения гибрида (или гибридов) человекообразные обезьяны будут использоваться в создававшемся в Советском Союзе питомнике для пересадок половых желез и прочих опасных и жестоких опытов. Вернувшись из Африки, Иванов заговорил о лабораторном «обезьяноводстве» как «новой отрасли животноводства», имея в виду в том числе обезьян человекообразных⁴⁸.

Из этого ясно, насколько по-разному воспринимали границу между человеком и другими видами «тогда» и «сейчас». Не только Иванов, но и никто из знавших о его опытах современников так и не сделал очевидных, казалось бы, этических выводов, которые неизбежно были бы сделаны из «успеха» подобных экспериментов сегодня. Это ведь и вправду парадоксально: отменяя «пропасть» биологическую, Иванов сохранял ее в виде «пропасти» нравственной. И увенчавшись опыты «положительным» результатом, видовая граница была бы «нарушена», но не «разрушена», по-прежнему отделяя человека как субъекта прав от лишенных какого бы то ни было этического статуса человекообразных обезьян. Но почему аргумент «биологической близости» ничего не доказывал? Здесь-то мы и сталкиваемся с парализовавшим его силу идеологическим контекстом. «Прочностью» своей граница была обязана расовым предрассудкам: как мы увидим, ощущение нравственной пропасти между европейцем-исследователем и шимпанзе возникает в опытах Иванова благодаря отчуждению белых от негров.

⁴⁸ О «ненаучности» разговоров, связанных с будущим гибрида, см.: Иванов – У. Бэтсону (W. Bateson), 23.02.1925 (черновик) // ЦГАМО. Ф. 837. Оп. 1. Ед. хр. 307; об «обезьяноводстве» см.: тезисы доклада Иванова на лекционном вечере «Проблема омоложения и органотерапия – от обезьяны к человеку». 23 апреля 1929 г. // ЦГАМО. Ф. 837. Оп. 1. Ед. хр. 1023.

Страх и враждебность, которые белые расисты питали в то время к неграм, заставляли игнорировать очевидные факты, свидетельствовавшие о биологической близости человеческих рас, – вместо того чтобы искать реального, нравственного сближения. Но почему в таком случае нужно было менять отношение к представителям *другого вида*, если даже бесспорное эволюционное родство человеческих рас, а также плодovitость межрасовых браков не обладали тогда универсально значимой «доказательной силой» – в том, что касалось признания гражданских и даже человеческих прав негров?⁴⁹



Страница из путевого дневника И.И.Иванова. Публикуется с разрешения Центрального государственного архива Московской области.

Расовых предрассудков не было заметно во время обсуждения опытов в Советском Союзе, но они явились со всей отчетливостью, как только Иванов ступил на африканский берег. Иванов не был доктринальным, «биологическим» расистом (он, по-видимому, не считал, что использование семени негров увеличивает шансы на успех гибридизации), но дневники, которые он вел в Африке, его переписка и другие документы экспедиции оставляют впечатление огромной – и при этом искусственно созданной – дистанции между белыми и черными. Вот как описывает он первые впечатления о неграх в рукописи популярной книги, которую по возвращении в Москву начал писать о своей экспедиции: «...Обнаженные до пояса негры и негритянки, иногда безобразные, но чаще по-своему красивые, как и вся африканская природа (курсив наш. – К. Р.)» Впрочем, не всегда отзывы его выдержаны в столь идиллических тонах.

Своему другу, ленинградскому зоологу Н. Я. Кузнецову, Иванов об африканских впечатлениях напишет: «Перенес жару и вид негров и негритянок довольно сносно». В набросках к упомянутой книге говорится о том, что: «Негры, вообще говоря, большие вруны и воры», и только в

⁴⁹ Лишь в послевоенных декларациях ЮНЕСКО была официально провозглашена абсолютная равноценность всех человеческих рас, а межрасовые браки признаны положительной нравственной силой, способствующей единству и солидарности человечества как целого. Полный текст деклараций см.: *Hiernaux, J, Banton, M. Four statements on the race question.* Paris: UNESCO, 1969, а также на Интернет-сайте ЮНЕСКО: <http://unesdoc.unesco.org/images/0012/001229/122962eo.pdf>; о «научном» расизме в довоенных Европе и Америке см.: *Stevan, N. The idea of race in science: Great Britain, 1800–1960.* Hamden, CN: Shoe String Press, 1982; *Provine, W. B. Geneticists and the biology of race crossing // Science.* 1973. Vol. 182. P. 790–796; *Gould, St. J. The mismeasure of man.* N. Y.: Norton, 1981.

машинописном варианте, очевидно, по цензурным соображениям, фраза эта была заменена на: «Негры, вообще говоря, очень веселый и добродушный народ»⁵⁰.

Иванов не мог отказаться от негров-помощников, ведь весь «штат» экспедиции состоял из него самого и его сына, - присоединившегося к нему в Париже 22-летнего студента Московского университета, тезки отца, впоследствии крупного советского биохимика, члена-корреспондента Академии медицинских наук СССР. Высадившись 14 ноября 1926 г. в столице французской Гвинеи Конакри, Иванов с сыном устраиваются, благодаря губернатору Пуаре, в Ботаническом саду в Камайене, неподалеку от Конакри. Здесь они находят для себя квартиру и здесь же намереваются в дальнейшем организовать временный обезьянник, где собираются поставить опыты искусственного осеменения шимпанзе. Для ловли обезьян Иванов с сыном, три помощника-негра и прикомандированный Пуаре чиновник 30 декабря выезжают в местность Фута-Джалон, – гористое плато, изобилующее шимпанзе. Там они проводят показательную охоту для обучения местных охотников новым методам ловли обезьян при помощи привезенных из Европы специальных, очень прочных сетей. Возвратившись 18 января 1927 г. в Камайен, Иванов уже имеет в своем распоряжении трех взрослых шимпанзе, а дружеское расположение Пуаре позволяет в дальнейшем получить от негров-охотников несколько новых партий обезьян. За пойманными обезьянами ухаживают опять-таки негры, хотя они, пишет Иванов, «в громадном большинстве, лодыри и бестолковые люди, на которых нельзя положиться».

Пока что расизм Иванова остается в рамках «обычного» высокомерия европейского путешественника, но в отличие от «обычного» европейца, Иванов был ученым, притом незаурядным, – и расовые предрассудки начинают определять содержание его научных представлений, а также сам ход предпринимаемых исследований. Так, Иванова чрезвычайно занимает вопрос об отношении негров к обезьянам. Ведь местные негры и обезьяны живут «бок о бок» на протяжении тысяч, если не десятков тысяч лет. Так, почему же, – коль скоро рождение гибрида человека и шимпанзе возможно в лаборатории, – гибридизации не происходит в «естественных условиях»? И с самого начала Иванов хочет проверить «слухи о похищении женщин самцами антропоморфных обезьян и о прижитии с ними детей». С другой стороны, приехав в Гвинею, Иванов очень быстро приходит к выводу, что это – всего лишь слухи, до сих пор, пишет он, здесь «не было отмечено ни одного достоверного факта», хотя по-прежнему ничуть не сомневается в самой возможности «прижития» детей-гибридов. И тут же дает этому объяснение, перенося стереотипы отношений двух рас на отношения негров и обезьян. «Негры, – пишет Иванов, – относятся к обезьянам и особенно к шимпанзе как к низшей человеческой расе. Женщины, изнасилованные обезьянами, считаются оскверненными. Такие женщины третируются как парии, социально погибшие и, как мне передавали, обычно бесследно исчезают»⁵¹.

Таким образом, постулируемые расовые чувства негров изолируют и «охраняют» нас как вид от других, ниже стоящих видов. Подобное объяснение весьма остроумно, хотя и следует иметь в виду, что в XIX и в начале XX вв. западное воображение часто представляло дикарей и

⁵⁰Иванов И. И. Африканские заметки. Из воспоминаний участника экспедиции профессора И. И. Иванова // ЦГАМО. Ф.837. Оп. 1. Ед. хр. 990. Л. 22; Иванов – Н. Я. Кузнецову, без даты // ЦГАМО. Ф. 837. Оп. 1. Ед. хр. 299; Иванов – Я. А. Тоболкину. 23.05. 1927 // Там же. Ед. хр. 1010; *Иванов И. И. Африканские заметки...* Л. 7.

⁵¹ Иванов – Я. А. Тоболкину, 23.05. 1927 // Там же. Ед. хр. 1010; Дневник Иванова // Там же. Ед. хр. 988. Л.7; *Иванов И. И. Отчет по командировке в Западную Африку, 22.12.1927 // ГАРФ. Ф. 3316 (ЦИК СССР). Оп. 45. Ед. хр. 18. Л. 107.*

человекообразных обезьян как находящихся в состоянии непримиримой «расовой» вражды. Достаточно вспомнить, например, «Затерянный мир» А. Конан-Дойля, где первобытные люди и безобразные человекообразные ведут непрерывную войну. Также и с точки зрения современного дарвинизма (так называемой «синтетической теории эволюции»), видообразованию кладется начало изоляцией, и только затем дивергирующие (расходящиеся в разные стороны), не скрещивающиеся между собой популяции «наполняются» специфическим генетическим содержанием, характеризующим их уже как различные виды. Причины же первоначальной изоляции могут быть и «психологическими», сводясь к вражде или отвращению от полового контакта, – и нет оснований начисто исключать роль подобных факторов, когда речь идет о дивергенции различных видов гоминид. Так что «отвращение» могло появиться как результат единичной мутации сначала и только затем найти реальное «подтверждение» в бесспорном уже превосходстве «гомо сапиенс» над родственными видами.

Особая чувствительность негров к нарушению видовой границы – не просто наблюдение натуралиста или этнографа, а имеет непосредственное значение для организации опытов. Иванов панически боится, что неграм станет известно о цели его исследований. В дальнейшем, искусственно осеменяя самок шимпанзе, он будет говорить неграм, что проводит медицинское обследование или лечение обезьян. И во многом поэтому, – поскольку посвятить негров в свои планы и рассчитывать на их помощь Иванов не может, – шимпанзе представляют собой такую серьезную опасность. Несмотря на относительно небольшой рост, эти человекообразные обезьяны настолько сильны, что справиться с разъяренным взрослым шимпанзе в состоянии лишь несколько взрослых мужчин. Входя в клетку, Иванов, как он пишет, на всякий случай, кладет в карман браунинг. Корреспондент русской эмигрантской газеты, оказавшийся в это время в Конакри и посетивший Иванова, следующим образом опишет его временный обезьяний питомник: «В саду ряд клеток, в которых на цепи, до приручения, три огромных шимпанзе». Самого же Иванова он, по первому впечатлению, не зная еще о цели опытов, охарактеризует как «почтенного старика с длинной седой бородой, в очках – типичного русского профессора доброго старого времени»⁵².

28 февраля 1927 г. опыты были поставлены на первых двух самках – Бабет (Babette) и Сивет (Syvette). «Обезьяны ловились в клетке, так как заказанная в Париже клетка для усыпления обезьян не была еще доставлена. Для поимки обезьяны внутри большой клетки с двумя половинами сеть подвешивалась в одной половине так, что когда в эту часть перегонялась обезьяна, она попадала как бы в мешок из сети, оба конца которого были наружи и могли быть быстро закручены. Обезьяна, стянутая сеткой, вытягивалась наполовину из дверцы клетки». Следующий эксперимент был поставлен только 25 июня, когда шимпанзе по кличке «Черная» была подвергнута искусственному осеменению под общим наркозом. Столь значительный перерыв объясняется тем, что во временном обезьяннике в начале марта разразилась сильнейшая эпидемия амебной дизентерии, унесшая жизни многих шимпанзе. Из протоколов экспериментов 28 февраля и 25 июня невозможно понять, были ли два донора семени белыми или неграми, – приводится только их возраст, не совпадающий ни с возрастом Иванова, ни его сына⁵³.

⁵² Ткачев В. Письма из Африки. Французская Гвинея // Русское Время. 6.07.1927.

⁵³ Иванов И. И. Отчет по командировке в Западную Африку, 22.12.1927 // ГАРФ. Ф. 3316 (ЦИК СССР). Оп. 45. Ед.хр. 18. Л.73; см. также: Лабораторный дневник. 12.01 – 18.07.1927 // Ф. 837. Оп. 1. Ед. хр. 987; Записи об искусственном осеменении обезьян // Там же. Ед.хр. 1007.

При всем при том опыты ставятся методически совсем не так, как следовало бы. «Впрыскивание [семени] проходило при очень нервной обстановке и неудобных условиях. Опасность со стороны обезьян, работа на земле, необходимость скрывать». Поэтому не удалось осуществить внутриматочного введения семени с использованием зеркала, что значительно снизило, по мнению Иванова, шансы на успешное оплодотворение: «...В тех условиях, в которых я находился, сделать этого было нельзя. Впрыскивания надо было делать быстро и так, чтобы не давать присутствующим неграм пищи для толкований и выводов, которые для нас могли бы повлечь большие неприятности»⁵⁴.

Следует признать, что протоколы опытов читаются совсем не с той степенью бесстрастности и бесчувственности, с какой написаны, оставляя по себе ощущение недопустимого насилия. И это ощущение мы могли бы отнести на счет нашего собственного антропоморфизма и эмоций, а Иванова считать заинтересованным единственно в научной истине и чуждым субъективизма исследователем, однако вывод этот был бы неверен. За характерной для экспериментатора нейтральностью тона стоит на самом деле страх, который, что важно, не является неизбежным чувством, вызванным объективными причинами – отношениями между человеком и пойманными им шимпанзе, – а обусловлен отношениями человеческих рас между собою. Ведь «природная» враждебность обезьян к человеку многократно усиливается тем, что Иванов боится негров, приписывая им расовые чувства против обезьян, и потому торопится с проведением опытов, обращаясь с обезьянами жестоко, что только увеличивает их враждебность к человеку. В свою очередь, нечего и пытаться что-то втолковывать неграм о смысле опытов. И важно понять, что «бесчувственность» – главная, пожалуй, связанная с опытами «эмоция» – является функцией нравственного расстояния между европейцами и африканцами. А «истинным» представителем человеческого рода оказывается в итоге белый исследователь, резко отделенный от «африканской природы», – как шимпанзе, так и негров.

Реально существовавшее отчуждение между расами объясняет, по-видимому, ту легкость, с какой Иванов решается поставить опыты не только на шимпанзе, но и... на африканских женщинах. Обращают на себя внимание два обстоятельства: во-первых, Иванов не испытывает абсолютно никаких моральных колебаний, во-вторых, открыто обсуждает свои планы с готовыми пойти ему навстречу французскими врачами. Предвидя, что число подопытных обезьян будет невелико, Иванов с самого начала экспедиции повел переговоры о возможности поставить эксперименты также и на женщинах «под надзором, – пишет он в дневнике, – врачей и присмотром персонала больничного». 14 ноября, только-только устроившись в Камайене, он говорит об этом с Пуаре: «Сообщил Poiret план своих работ и привлечения к этому делу д-ра Pez  (врач местного госпиталя для туземцев. – К. Р.). Poiret согласился со мной и обещал переговорить с д-ром Pez . От Poiret визит к Dr. Pez . Сговорились с двух слов».

Абсолютно чудовищными эти планы делает то, что опыты Иванов собирается проводить без ведома и согласия самих женщин. 23 ноября он приходит в госпиталь, чтобы зафиксировать точную дату начала экспериментов, но неожиданно узнает от Пезе, что

⁵⁴ Лабораторный дневник. 12.01 – 18.07.1927 // Там же. Ед. хр. 987. Л. 16–18; Записи об искусственном осеменении обезьян // Там же. Ед.хр. 1007. Л. 37.

губернатор категорически запретил без его разрешения ставить опыты в госпитале, что он уехал в Дакар и там будет говорить по этому вопросу с генер[ал]-губерн[атором] и с Lacenet (заведующий санитарной частью в колонии Западная Африка, к которой относилась и Гвинея. – К. Р.). Вернется Poiret не раньше 2 нед[ель], а до тех пор надо ждать, т. к. губернатор категорически запретил без его разрешения ставить опыты в госпитале. Вне госпиталя (dehors) – да, но это, разумеется, меняет дело и не дает никакой гарантии на чистоту опыта.

И вот с каким «праведным» негодованием пишет Иванов о решении губернатора:

Итак, Poiret дал мне хороший урок. Можно было изменить свое решение, но, по крайней мере, поставить меня об этом в известность. Затем я предупреждал его, что говорю с ним конфиденциально и прошу ни с кем не говорить о моем проекте, кроме как с д-ром Pez . Интересно, как объяснит свое поведение Poiret. Для Ильяшки (Иванова-младшего – К.Р.) эта история была громом среди ясного неба. Да и для меня тоже. Положение крайне скверное [...] Да и что нового скажет Poiret, вернувшись из Дакара? Разве только, что и dehors ставить опыты нельзя⁵⁵.

Нравственная физиономия Иванова для нас тут становится окончательно ясной, однако сам он, судя по тону дневников и переписки, не видит нужды оправдываться. Понятно, что научный интерес может достигать масштабов мономании, но все же, как он – «почтенный старик», «типичный русский профессор доброго старого времени», наконец, любящий муж и отец (об этом можно опять-таки судить по дневниковым записям) – объяснял себе и окружающим мотивы своего решения превратить африканских женщин в подопытных существ? Такое объяснение действительно присутствует и сводится к «отсталости» африканских народов: «...Пока женщина не вышла замуж, она находится на иждивении родителей или ближайших родственников. Если она овдовела, то переходит в качестве жены к ближайшему родственнику умершего. Религиозные и бытовые условия таковы, что женщина ни в коем случае не захочет добровольно подвергнуться опыту». Иными словами, невыделенность человека, а женщины в особенности, из традиционных общественных и семейных структур, а также невозможность объяснить неграм значение «науки» приводят к выводу, что решение может быть принято и за женщину, особенно ради «благородной цели».

Скорее всего, мы имеем здесь дело не только с ощущением культурного превосходства над невежественными неграми, – об этом можно судить по отдельным, прорывающимся у Иванова нотам «биологического» расизма. В частности, когда он предполагает, что мог бы поставить опыты на женщинах-пигмейках, с которыми, в силу их незнакомства с цивилизацией, затруднений возникнуть, как пишет он, не должно. Знать ничего не зная о пигмеях, он тем не менее говорит о них как о «примитивной расе негров, живущих в лесах на деревьях». А чего стоит одна только фраза из его официального отчета об экспедиции, объясняющая, почему опыты эти провести не удалось: «*Заказанные в колонии Gabon шимпанзе и пигмеи доставлены не были* (курсив наш. – К. Р.)»⁵⁶.

⁵⁵ См.: Дневник Иванова // ЦГАМО. Ф. 837. Оп. 1. Ед. хр. 988. Л. 46–50.

⁵⁶ Иванов И. И. Отчет по командировке в Западную Африку // ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 45. Ед. хр. 18. Л. 76; Иванов – хранителю Музея Бельгийского Конго (Conservateur de Mus  de Congo). 19.07.1926 // ЦГАМО. Ф.837. Оп. 1. Ед. хр. 429. Л. 10–11.

Планы Иванова поставить опыты на женщинах по-разному влияют на отношение к нему окружающих. В частности, губернатор Пуаре, хотя и запрещает проводить опыты в госпитале, но вовсе не меняет своего доброжелательного отношения к Иванову, помогая в дальнейшем организовать поимку обезьян, а затем и получить лицензию на их вывоз в Советский Союз. Хорошие отношения Иванов сохраняет и с доктором Пезе, – тот сводит его с другими врачами, с которыми Иванов ведет переговоры о возможных опытах на местных женщинах. К великому нашему облегчению, из этих планов ничего не выходит.

Принципиально иным оказывается отношение Академии наук, которую Иванов подробно информирует, так же, как и своего главного патрона Н. П. Горбунова, о ходе экспедиции. И узнав, таким образом, от него самого о намерении проводить опыты на женщинах, Академия решительно Иванова осуждает. Для рассмотрения этих планов она создает Особую комиссию под председательством зоолога академика П. П. Сушкина, в ее состав включаются зоолог академик А. А. Бялыницкий-Бируля и антрополог профессор С. И. Руденко. Свое мнение комиссия формулирует в достаточно энергичных выражениях, обращая, в частности, внимание на «тяжелое положение жертвы такого эксперимента (женщины - в случае рождения ребенка-гибрида. – *К. Р.*) среди окружающих ее» и на подрыв доверия «примитивных народов» к исследователям. В итоге «Комиссия [...] настоятельно рекомендует ограничить опыты обсеменением самок шимпанзе». Она «не находит возможным» даже просто поддержать перед правительством поступившую от Иванова просьбу о дополнительных ассигнованиях, которые позволили бы продолжить опыты в Африке, хотя и соглашается продлить срок командировки до 1 августа 1927 г.⁵⁷ Позиция комиссии – свидетельство ее принципиальности и только подтверждает высказанное в предыдущей главе мнение: академики согласились в 1925 г. с планом Иванова провести искусственное оплодотворение шимпанзе семенем человека не из-за «конформизма», а потому, что не видели в тех, первоначальных планах ничего явно предосудительного. Эта принципиальность оттеняется тем, что П. П. Сушкин лично и еще до революции хорошо знал Иванова.

В то же время Иванова продолжает поддерживать Горбунов, хотя теперь, не имея заключения Академии наук (а равно – и какого-то иного авторитетного научного учреждения), он, по-видимому, не считает для себя возможным добиваться дополнительных ассигнований от правительства. В результате 1 июля 1927г. Иванов и сын вынуждены покинуть Африку, погрузившись вместе с 13 шимпанзе и 2 низшими (нечеловекообразными) обезьянами на пароход и отплыв в Марсель, откуда обезьяны были уже переправлены в Сухуми.

Но уже 22 июля в Марселе от туберкулеза погибает шимпанзе Черная, затем – во время перехода в Сухуми – умирает Сивет, в сентябре же в Сухуми уходит из жизни Бабет. Ни у одной из них признаков беременности обнаружено не было. Однако это не могло исключить принципиальную возможность гибридизации, – число опытов было попросту слишком мало. Ведь даже при применении метода искусственного оплодотворения в гинекологии вероятность успеха в то время составляла примерно 30 процентов, и это при условии повторных введений семени на протяжении шести месяцев⁵⁸. Поэтому эксперименты, по мнению Иванова, следовало

⁵⁷ Председатель Комиссии П. П. Сушкин – в Президиум Академии наук. 30.05.1927 // ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 45. Д. 18. Л. 1–2.

⁵⁸ Rohleder, H. O. Die künstliche Befruchtung vom Standpunkt der Sexualreform // Weil, A. Sexualreform und Sexualwissenschaft. Stuttgart: J. Puettmann, 1922. S. 215.

непрерывно продолжать. В отчете об экспедиции он писал: «Уже сам по себе факт посылки нашей экспедиции [...] является в истории науки крупным актом, раз навсегда устанавливающим права гражданства за выдвинутой нами на очередь научной проблемой, до того времени оставшейся в глазах огромного большинства, даже биологов, каким-то “табу”»⁵⁹.

На самом деле намерение провести эксперименты на ничего не подозревавших африканских женщинах дискредитировало начинание Иванова перед Академией наук. Отныне и, как увидим, навсегда она отказывается ему в поддержке. Однако возражения против опытов на африканских женщинах самой идеи гибридизации как таковой не затрагивают. Мы также можем легко представить себе исследователя, который, занимаясь все той же проблемой гибридизации, на преступные опыты с женщинами ни за что не пошел бы.

В то же время нравственный смысл, связывавшийся в колониях с дихотомией «человек» – «животное», не вызывает у нас абсолютно никакого уважения. Отчуждение между расами было в Африке до такой степени глубоким, что и сама граница между человеком и человекообразными обезьянами стала проекцией этого отчуждения и пролегла не столько между видами, сколько между людьми разной расы. Тем самым граница оказалась этически реальной, но прочностью своей обязанной не «нерасшатанным устоям», не «естественному» нравственному чувству, а расовым предрассудкам, сконструированным белыми людьми ради господства над черными. Но есть ли тогда у этой границы подлинный, а не заемный, приписанный ей нравственный смысл? Очевидно, ответ можно получить там, где смысл этот не затемняется массой «сопутствующих» моментов, – социальными и культурными перегородками и иерархиями. В частности там, где можно отвлечься от расового «момента» и где, как можно было бы надеяться, утратит свою силу также и «специцизм», – признание исключительных прав за человеком и тупое, вопреки любым доводам и фактам, отрицание какого бы то ни было этического статуса за другими видами.

Подобной свободы от предрассудков следовало бы ожидать от дальнейших экспериментов Иванова, которые он планировал провести в Советском Союзе - на женщинах, но не на черных, а на белых, и при этом добровольно и сознательно согласившихся в них участвовать.

Опыты предполагалось организовать в Сухуми, куда в августе 1927 г. поступила от Иванова партия обезьян (сам он из-за болезни задержится на несколько месяцев во Франции). Прибытие этой партии стало официальной датой рождения нового научного учреждения – Сухумского питомника обезьян. Как отмечалось в предыдущей главе, питомник был организован под эгидой Института экспериментальной эндокринологии, а его руководителем стал помощник директора института Я. А. Тоболкин. В то время как Иванов был в Африке, Тоболкин сумел подготовить место для питомника, а также выезжал в Европу для знакомства с содержанием обезьян в тамошних зоопарках. Иванов же помогал созданию питомника благодаря своим связям и постоянной переписке с Горбуновым. Именно Горбунов смог обеспечить финансирование питомника, так как ни у ИЭЭ, ни у Наркомздрава средств для этого не было, и ассигнования проходили через Управление делами и затем Совнарком «в порядке особых ходатайств»⁶⁰.

⁵⁹ *Иванов И. И.* Отчет по командировке в Западную Африку // ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 45. Ед. хр. 18. Л. 68.

⁶⁰ К тому же эти средства начали отпускаться лишь после того, как правительство приняло в сентябре 1925 г. решение о финансировании экспедиции Иванова. Поэтому мы не можем согласиться с О.Шишкиным, полагающим, что, создавая питомник, советское правительство было прежде всего заинтересовано в получении желез обезьян для операций омоложения. Нет также абсолютно никаких данных о заинтересованности в подобных операциях кремлевских «верхов» («членов политбюро», как пишет Шишкин). *Шишкин О.* Красный Франкенштейн...

Возможно, этой же причиной – заинтересованностью Тоболкина в отношениях с Ивановым и Горбуновым – объясняется и то, что в составленном 13 сентября 1927 г. «Перспективном 5-летнем плане» ИЭЭ в качестве одной из двух стоящих перед питомником задач значится «продолжение работ проф. Иванова по гибридизации». (Второй – стало «изучение желез внутренней секреции у обезьян»⁶¹.) Решение ставить эксперименты на женщинах объяснялось просто: длительное содержание человекообразных обезьян в условиях «крайнего Севера», которым были для них субтропики, представлялось проблематичным, а при проведении опытов на женщинах потребовалось бы, как не раз отмечал Иванов, намного меньше взрослых обезьян в качестве доноров семени, чем в том случае, если бы искусственному осеменению подвергались самки шимпанзе.

4. Люди ли женщины?

Стремясь доказать, что граница между человеком и близкими к нему видами животных должна оставаться неприкосновенной, мы меньше всего надеемся найти поддержку в научном знании, – с точки зрения биологии, межвидовые скрещивания нельзя считать чем-то «плохим» и «неестественным», ведь априорное представление о том, что гибриды нежизнеспособны, дисгармоничны, страдают от наследственных уродств, давно оставлено⁶². Конструируя нравственный барьер вокруг нашего вида, мы склонны скорее искать опору в идее «естественных» различий и границ, которые существуют между самими людьми и могут поэтому заключать в себе нравственный, нормативный смысл. Но всякий раз смысл этот оказывается скомпрометированным (а значит, неподлинным). И если в предыдущей главе речь шла о расовых предрассудках, то здесь мы оказываемся свидетелями того, как планы проведения экспериментов на женщинах делают явными стереотипы неравенства полов, присутствующие в нашем собственном сознании.

Новые планы Иванова находились в общем русле политики эмансипации женщин. Большевики осуществили передовые для своего времени реформы, касавшие семьи и положения женщин, отменив, например, унижительные законы о внебрачных детях и разрешив разводы. Когда в 1928 г. началась так называемая «культурная революция», то на очередь дня вышли лозунги радикального преобразования быта и «разрушения семьи»⁶³. И наряду с отрицанием патриархальной семьи и «семейного рабства», большевики, по крайней мере некоторые из них, признали, как увидим, и «право» женщин на добровольное участие в опытах гибридизации. С другой стороны, опыты, в которых матерью гибрида является женщина, вызывают у нас, похоже, намного большее возмущение, чем такие же опыты, где в качестве матери выступает самка шимпанзе. Но, собственно говоря, почему? Вопрос этот неизбежно возникает, коль скоро мы действительно считаем, что мужчина и женщина несут равную ответственность перед своим потомством. Почему человеческое – пусть даже наполовину –

⁶¹ См.: Перспективный 5-летний план развертывания деятельности ГИЭЭ Наркомздрава. 13.09.1927 // Архив Национального НИИ общественного здоровья. Ф. 28 (В. Д. Шервинский). Оп. 12. Ед. хр. 2. Л. 74.

⁶² См., в частности, *Arnold, M.L.* Natural hybridization and evolution. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1997; *Рубайлова Н.Г.* Отдаленная гибридизация домашних животных. М.: Наука, 1965.

⁶³ См.: *Stites, R.* The women's liberation movement in Russia: Feminism, nihilism, and bolshevism, 1860–1930. Princeton: Princeton Univ. Press, 1978; подробнее о «культурной революции» см.: *Cultural Revolution in Russia, 1928–1931* / Ed. by S. Fitzpatrick. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1978; *Idem.* The cultural front: Power and culture in revolutionary Russia. Ithaca: Cornell Univ. Press, 1992.

существо, рожденное обезьяной и несущее человеческие гены, переданные отцом-мужчиной, возмущает наши «естественные» чувства меньше, чем гибридное существо, рожденное женщиной? Наверно, дело в том, что в первом случае все происходит не на глазах у отца, который может просто «забыть» о своем потомстве еще до появления его на свет, и отречение это будет выглядеть «простительным». Но о таком же гибриде-ребенке, рожденном в человеческом обществе и воспитываемом в детской, «забыть» будет намного сложнее.

Однако, ведь это чисто мужское различие, продиктованное неравенством полов и лицемерной общественной моралью, разрешающей мужчинам то, что запрещается женщинам. Сходно оно и с тем «тонким» различием, которое мужчины-расисты проводили в колониях: мулаты в семьях негритянок – простительная слабость европейцев, а появление такого же ребенка у белой женщины – непростительный грех. Очевидно, нам особенно сложно принять, что даже искренние и естественные эмоциональные реакции могут быть не проявлением нашего аутентичного «я», а производным от общественных интересов и стереотипов. Тем не менее в данном случае это, по-видимому, так: если опыты осеменения самок шимпанзе этически приемлемы, то почему непозволительны опыты осеменения женщин, добровольно согласившихся в них участвовать?

Вернувшись в Москву осенью 1927 г., Иванов был вынужден сосредоточиться на работе в ветеринарии. По прошествии некоторого времени он напишет своему давнему другу Н. Я. Кузнецову, что оценка Академией наук его опытов резко изменилась:

... Кругом, кроме явного замешательства и даже хулиганского отношения, редко видишь хотя бы терпимое отношение к моим необычным исканиям. Однако я не сдаюсь и, наплевав на выходки наших «старцев» и их подхалимов, продолжаю добиваться возможности начатые опыты довести до более солидного числа и получить ответ на поставленные вопросы. Веду переговоры и надеюсь получить поддержку там, где, если нет академического колпака на голове, есть здравый смысл и отсутствие профессиональной нетерпимости»⁶⁴.

Как говорилось выше, академики были возмущены намерением Иванова изменить заявленные первоначально планы и экспериментировать на африканских женщинах; а кроме того, негодование могло вызвать у них и намерение проводить дальнейшие опыты на советских женщинах, пусть даже с полного их согласия. 11 апреля 1928 г. на заседании Отделения физико-математических наук академик В. Л. Комаров, ботаник и будущий президент Академии, заявил: «...А[кадемии] н[аук] следует высказать ясно и твердо свое вполне отрицательное отношение к предложению профессора И. И. Иванова о скрещивании человека с обезьяной как не научному и не могущему дать никакого результата...» Но почему, спрашивается, В. Л. Комаров не протестовал против этих опытов, когда они обсуждались в Академии еще в 1925 г.? Можно предположить, что дело здесь не в столько в «ненаучности», сколько в том, что, с точки зрения академиков, Иванов в Африке вышел за границы допустимого. Ведь, как не раз отмечалось историками, научному сообществу подчас «легче» пожертвовать репутацией отдельного ученого

⁶⁴ Иванов – Н. Я. Кузнецову. 14.06. [1928 или 1929 г.] // ПФА РАН. Ф. 793 (Н. Я. Кузнецов). Оп. 2. Ед. хр. 274. Л. 28–28об.

и объявить работы его «ненаучными», чем признать, что подлинно научные исследования могут «незаметно» перейти нравственную грань ⁶⁵.



А.С.Серебровский (1892 - 1948) – выдающийся советский генетик на сельскохозяйственной опытной станции, начало 1920-х годов. Публикуется с разрешения Архива РАН.

«диалектики», или представители школы А. М. Деборина. Среди них были и серьезные ученые. Одним из активных деятелей секции стал выдающийся генетик профессор А. С. Серебровский, а заместителем Шмидта – ученик Серебровского генетик и врач С. Г. Левит, который через несколько лет организует в Москве первый в Европе Медико-генетический институт. К этой же группе генетиков-коммунистов следует отнести И. И. Агола, В. Н. Слепкова, а также историка и философа биологии М. Л. Левина, в прошлом ученика знаменитого швейцарского антрополога Р. Мартина ⁶⁷.

С самого начала секция уделяла внимание исследованиям, которые были, с ее точки зрения, важны для упрочения материалистических идей в естествознании либо не могли по

Ожидания Иванова, о которых он писал Кузнецову, были теперь еще в большей степени, чем прежде, связаны с коммунистами. И не только с администраторами, но и с коммунистами-учеными, а также структурами, создававшимися ими для «большевизации» науки. Прежде всего – с Коммунистической академией, которая была основана еще в 1918 г. и занималась проблемами общественных наук, но 31 января 1925 г. организовала под началом математика и будущего исследователя Арктики О. Ю. Шмидта Секцию естественных и точных наук «для борьбы за строго материалистическую науку» ⁶⁶. В первые годы в секции господствовали так называемые «механисты» – представители одного из двух, соперничавших в Академии философских направлений, большая часть из которых занимала применительно к биологии ламаркистские позиции. Но в 1928–1929 гг. верх в Академии одержали

⁶⁵ Протокол VIII заседания Отделения физико-математических наук от 11.04.1928 // ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1 – 1928. Ед. хр. 177. Л. 134об.; *Gieryn, Th. F. Boundaries of science // Handbook of Science and Technology Studies / Ed. by S. Jasanoff, G. Markle, J. Petersen, T. Pinch. Thousand Oaks, CA.: Sage Publications, 1995. P. 393–443.*

⁶⁶ См.: Протокол № 6 заседания Секции естественных и точных наук. 30.03.1925 // АРАН. Ф. 351. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 12.

⁶⁷ Подробнее об этой группе биологов см.: *Гайсинович А. Е. Зарождение и развитие генетики М.: Наука, 1988. С. 280–327; Idem. The origins of Soviet genetics and the struggle with Lamarckism, 1922–1929 // Journal of the History of Biology. 1980. Vol. 13. P.1–51; о Комакадемии и философских спорах см.: *Joravsky, D. Soviet marxism and natural science, 1917–32. N. Y.: Columbia Univ. Press, 1961; David-Fox, M. Revolution of the mind: Higher learning among the Bolsheviks, 1918–1929. Ithaca: Cornell University Press, 1997; Колчинский Э. И. В поисках советского «союза» философии и биологии. Дискуссии и репрессии в 1920 – начале 1930-х гг. СПб.: Захаров, 1999.**

идеологическим причинам развиваться в капиталистических странах. Думали в Комакадемии и об опытах Иванова. 23 июня 1928 г. на заседании президиума Комакадемии экономист-аграрник Л.Н.Крицман заявил: «...Прошу дать мне ответ на вопрос: когда мы организовали Секцию Естественных и Точных наук, то в числе привлекательных тем ставили вопрос о человеке и обезьяне и возможности соединения». Крицману сразу же ответил присутствовавший на заседании М.Л.Левин, сославшись при этом на попытки, предпринятые Ивановым в Африке: «Экспедиция Иванова, отвратительно поставленная, потерпела фиаско»⁶⁸. Последующее показало, что Комакадемия была не прочь «поставить» эти исследования сама.

19 апреля 1929 г. в Кремле под председательством заместителя Горбунова Е.П.Воронова состоялось «Совещание по вопросу о возможности постановки в Сухумском Питомнике опытов искусственного осеменения между антропоидными обезьянами, а также между последними и человеком». Совещание, на котором кроме Воронова, Иванова и Тоболкина, присутствовали О.Ю.Шмидт, А.С.Серебровский, С.Г.Левит, а также ученик Иванова профессор М.М.Завадовский, постановило: «Просить Коммунистическую Академию взять на себя всестороннее рассмотрение выдвинутых проф. Ивановым предложений [...] и затем взять на себя постановку необходимых опытов». Совещание особо отметило, что Академия наук все еще не прислала заключения на отчет Иванова. И здесь необходимо иметь в виду, что к концу 1928 г. Академия наук стала для советского правительства (в том числе для Н. П. Горбунова и его подчиненных) врагом – оплотом «старой» науки, подлежащим реформированию или ликвидации. Конфликт был прямо связан с начавшейся «культурной революцией» и ставил, в свою очередь, вопрос о новых формах организации научных исследований в стране. Коммунистическая академия выглядела в этих условиях одним из кандидатов, призванных заменить «старую» Академию в роли высшего научного учреждения⁶⁹.

То, что совещанием планировалось и скрещивание различных видов обезьян между собою, а не только обезьян с человеком, не должно вводить нас в заблуждение: в Сухумском питомнике попросту не было тогда достаточного числа половозрелых обезьян для осуществления этой, первой части проекта. Не случайно, в проекте постановления совещания, предварительно подготовленном Ивановым, о скрещивании обезьян декларативно говорилось только в первом пункте, остальные же – пять из шести пунктов – посвящены именно опытам на женщинах:

2. Опыты гибридизации путем искусственного осеменения женщин спермой антропоида могут [...] быть поставлены только при письменно выраженном со стороны женщин согласии подвергнуться искусственному осеменению спермой антропоида, взять на себя риск опыта и на время опыта подчиняться требуемому режиму изоляции.

3. Опыты должны быть обставлены всеми необходимыми предосторожностями и протекать в условиях строгой изоляции женщин...

4. Опыты должны быть поставлены на возможно большем числе женщин и во всяком случае не менее, как на 5.

5. Научное руководство опытами должно быть всецело возложено на проф. Иванова, в помощь и распоряжение которого необходимо предоставить врача...

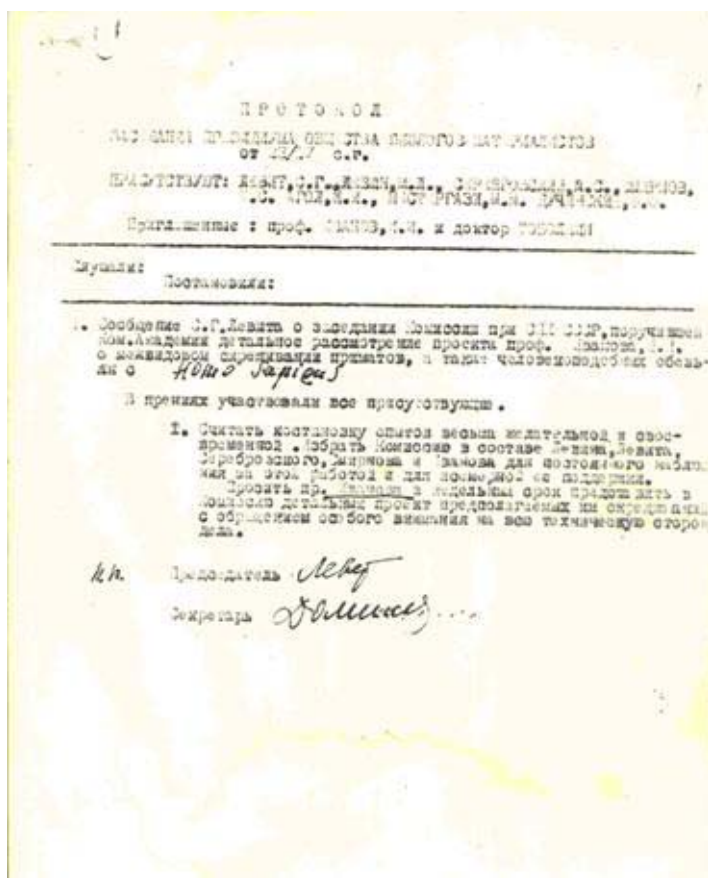
⁶⁸ См. стенограмму заседания президиума Комакадемии. 23.06.1928 // АРАН. Ф. 350. Оп. 1.Ед. хр. 183. Л. 32.

⁶⁹ См.: Протокол совещания // ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 45. Ед. хр. 19. Л. 53; о конфликте между большевиками и АН см.: *Graham, L. R. The Soviet Academy of Sciences and the Communist Party, 1927–1932. Princeton: Princeton University Press, 1967; Перченко Ф. Ф. «Дело Академии наук» и «великий перелом» в советской науке // Трагические судьбы. Репрессированные ученые Академии наук СССР. М.: Наука, 1995. С. 236–252.*

6. На проведение вышеуказанных опытов необходимо выделить специальную сумму денег для оплаты расходов, связанных с содержанием опытных женщин, оплатой содержания врача – помощника проф. Иванова, поездок проф. Иванова из Москвы в Сухум и обратно...⁷⁰

Посмотрим, как проходило обсуждение проекта в самой Комакадемии. Уже через 4 дня, 23 апреля 1929 г., было созвано специальное заседание президиума Общества биологов-материалистов, существовавшего при Секции естественных и точных наук. Президиум пришел к следующему мнению: «Считать постановку опытов весьма желательной и своевременной». «Для постоянного наблюдения за этой работой и для всемерной ее поддержки» общество избрало комиссию в составе М. Л. Левина, С. Г. Левита, А. С. Серебровского, самого Иванова, а также члена общества энтомолога Е. С. Смирнова. По докладу О. Ю. Шмидта решение общества и полномочия комиссии были утверждены президиумом Комакадемии⁷¹.

На состоявшемся вскоре заседании Комиссия постановила: «...Необходимо приступить к обеспечению опыта привлечением к нему возможно большего числа женщин, во всяком случае не менее 5, идейно, но не материально заинтересованных в нем». Вероятно, пункт об «идейной заинтересованности», о котором не было речи в более ранних документах, был для Комиссии особенно важен. В целом на опыты предусматривалось ассигнование достаточно больших средств: 33 100 рублей, которые предполагалось взять из общей суммы, ассигнованной правительством Сухумскому питомнику. Непосредственные приготовления планировалось начать уже «в текущем году», но «до выяснения результатов



Протокол заседания президиума Общества биологов-материалистов от 23 апреля 1929 г. Публикуется с разрешения Центрального государственного архива Московской области.

⁷⁰ Иванов И. И. Проект постановления Комиссии, созданной 19/IV 1929 г. при Науч[ном] Отд.[еле] Совнаркома СССР // ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 45. Ед. хр. 18. Л. 140.

⁷¹ В заседании президиума Общества биологов-материалистов, помимо Левита, Левина, Серебровского, Смирнова, а также специально приглашенных Иванова и Тоболкина, участвовали И. И. Агол, М. М. Местергази и Ф. Ф. Дучинский. См.: Протокол заседания Общества биологов-материалистов // ЦГАМО. Ф. 837. Оп. 1. Ед. хр. 1024. Л. 1; см. также Протокол № 12 заседания Бюро Президиума Комакадемии. 1.06.1929 // АРАН. Ф. 350 (Президиум Комакадемии). Оп. 1. Ед. хр. 271. Л. 57; Протокол № 9 заседания Бюро Секции естественных и точных наук. 14. 06. 1929 // АРАН. Ф. 351 (Секция естественных и точных наук). Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 39.

опыта» никто из участвующих в его подготовке не должен был «выступать ни в печати, ни устно с изложением хода работ»⁷².

С экспериментами следовало спешить, ибо ни у кого в мире тогда не было достаточного опыта акклиматизации антропоидных обезьян, и взрослые обезьяны, как правило, быстро погибали в неволе. А в Сухуми имелся всего один половозрелый самец: 26-летний орангутанг Тарзан. В то же время Иванов уже располагал письмом, по крайней мере, от одной молодой женщины из Ленинграда, добровольно вызвавшейся участвовать в опытах. «Осмелюсь обратиться к Вам с предложением, – писала она еще 16 марта 1928 г. – Из газет я узнала, что Вы предпринимали опыты искусственного оплодотворения обезьян человеческой спермой, но опыты не удались. Эта проблема давно интересовала меня. Моя просьба: возьмите меня в качестве эксперимента [...] Умоляю Вас, не откажите мне. Я с радостью подчинюсь всем требованиям, связанным с опытом. Я уверена в возможности оплодотворения [...] В крайнем случае, если Вы откажете, то прошу написать мне адрес какого-либо из иностранных ученых-зоологов»⁷³.

В этом письме, как, впрочем, и во всех других документах Комиссии, совершенно обходится один очень важный пункт. С одной стороны, за женщиной признается право самой распоряжаться своим телом и рожать детей вне брака. И в своем письме корреспондентка Иванова подчеркивает, что «живет одна» и «ничто» ее «не связывает». Но, с другой стороны, неясно, стали бы, в случае успеха опыта, отношения женщины и рожденного ею гибрида отношениями матери и ребенка.

Если нет и если ребенка предполагалось отобрать, либо сама мать от него отреклась и отказалась бы от своих прав в пользу экспериментаторов, – то у нашей гадливости, вызываемой приготовлениями к этим опытам, появляется как будто законное этическое основание, так же, впрочем, как и в случае отречения от своего гибридного потомства мужчины – донора семени. Мы говорим «как будто», поскольку в практике современной репродуктивной медицины, использующей анонимных доноров половых клеток, идея нерасторжимой связи «биологических родителей» (в данной практике – лишь «доноров») и их детей перестает быть нравственно обязательной и заменяется, в лучшем случае, системой договоренностей между участвующими сторонами, призванными гарантировать благо ребенка.

Если же предположить, что на вопрос об отношениях женщины и рожденного ею «гомункулюса» ответ был бы утвердительным, т. е. отношения эти стали бы отношениями матери и ребенка, то из этого, по-видимому, следует вполне «человеческий» статус гибрида, – ведь, несмотря ни на что, эмоциональная и этическая солидарность родителей (в данном случае – настоящей, а не просто «биологической» матери) и детей пока еще остается той элементарной основой, на которой строится и солидарность «видовая», общечеловеческая.

О том, что матери неизбежно полюбят своих детей-гибридов, которые по одной этой причине будут принадлежать человеческому обществу, – писал тогда же, в конце 1920-х гг., в рукописи неопубликованной книги упоминавшийся выше антрополог М. Ф. Нестурх (об опытах в

⁷² Протокол заседания комиссии о межвидовом скрещивании приматов // АРАН. Ф. 351. Оп. 1. Ед. хр. 62. Л. 161; см. также: О научно-исследовательском питомнике обезьян (машинопись) // ЦГАМО. Ф. 837. Оп. 1. Ед. хр. 1024; черновик, написанный рукой Иванова // Там же. Ед. хр. 1026; машинописный текст находится также в архивном фонде члена комиссии А. С. Серебровского // АРАН. Ф. 1595. Оп. 1. Ед. хр. 389. Л. 3–5.

⁷³ Письма Г. Г. – Иванову. 16.03.1928–29.08.1929 // ЦГАМО. Ф. 837. Оп. 1. Ед. хр. 349; о продолжении опытов скрещивания человекообразных обезьян с человеком в Сухумском питомнике газеты, действительно, сообщали, см. в частности: Питомник обезьян // Известия. 1927. 13 августа.

Сухуми он безусловно знал, но был к ним, скорее всего, непричастен). Хотя он и называет матерей – «самоотверженными женщинами», но их любовь, уверяет он, будет совершенно естественной, ведь гибриды не будут ни «уродами» (вероятность уродств, по его мнению, мала), ни патологическими созданиями. Таким образом, гибридов следует включить в состав общества и поставить под защиту закона⁷⁴. Но оставалась бы тогда хоть какая-то возможность отрицать известный этический статус – защиту, в частности, от жестокого обращения – также и за человекообразными обезьянами? Ведь абсолютно равное биологическое расстояние отделяло бы гибридное существо, законно признанное человеком, от обоих родителей.

Мы не знаем, насколько Иванов и другие члены Комиссии были близки к тому, чтобы выполнить исходное намерение привлечь к опытам «не менее 5 женщин», но, во всяком случае, с ленинградской корреспонденткой Иванов поддерживал переписку, ободряя ее обещаниями о скором начале опытов. Уже 23 марта 1928 г., едва получив первое ее послание, Иванов спешно набросал черновик ответа: «М[илостивая] г[осударыня], спешу сообщить Вам, что Ваше письмо получил и принимаю к сведению Ваше предложение. Как только это окажется нужным и возможным, обращусь к Вам с письмом». Через восемь месяцев, 12 ноября 1928 г., он сообщал: «Опыты в Сухуме производиться несомненно будут. Задержались они благодаря запозданию прибытия обезьян из-за границы [...] Условия Вашего приезда, как Вам писал, остаются те же (Письмо «с условиями» не сохранилось. – К. Р.)». В 1929 г. Иванов вступил в переговоры и с женщиной-гинекологом, которой предложил проводить опыты в Сухуми и которая чрезвычайно заинтересовалась этим предложением. Однако ленинградской корреспондентке Иванов вынужден был 31 августа 1929 г. ответить, по-видимому, по телеграфу: «Пал оранг. Ищем замену»⁷⁵.

Тарзан умер (очевидно, еще во второй половине июня) от атеросклероза сосудов и кровоизлияния в мозг. По крайней мере отчасти виновато было питание: антропоидные обезьяны нуждались в бананах и других тропических фруктах, но холодильных камер, где можно было бы их хранить, в Сухуми, по-видимому, не было. В докладе директора Института экспериментальной эндокринологии старейшего русского врача профессора В. Д. Шервинского на заседании Ученого медицинского совета Наркомздрава приводятся любопытные данные о том, что из бананов приходилось варить варенье! И сотрудники питомника были рады, когда антропоидные обезьяны соглашались есть любую, пусть даже совсем не подходящую для них пищу. Так, Тарзан одно время ел одни куриные яйца: «От 15 до 18 шт.[ук] в день [...] и стал чувствовать себя не особенно хорошо»⁷⁶.

Вероятно, смерть орангутанга рассматривалась Ивановым лишь как временная остановка уже решенного дела. На будущий год были запланированы новые закупки человекообразных обезьян, и, действительно, в 1930 г. в питомник прибыли 5 шимпанзе, хотя мы и не знаем, были ли они половозрелыми⁷⁷. Однако в 1930 г. в судьбе самого Иванова произошли роковые

⁷⁴ *Нестурх М. Ф.* О скрещивании между человеком и обезьяной. Машинопись. Конец 20-х – начало 30-х гг. (согласно авторской карандашной надписи на титульной странице). 113с. Мы глубоко благодарны семье покойного М. Ф. Нестурха, Л. Е. и Е. В.Кавиным, за предоставленную возможность ознакомиться с рукописью.

⁷⁵ См.: О. Топчиева Иванову. 5.07.1929 // ЦГАМО. Ф. 837. Оп. 1. Ед. хр. 392; Г. Г. – Иванову // Там же. Ед. хр. 349. Л. 2 об., 7 об.

⁷⁶ О смерти Тарзана см.: Я. А. Тоболкин – Иванову, 30.06.1929 // Там же. Ед. хр. 1010; текст выступления Шервинского см. Стенограмму заседания УМС Наркомздрава. 4.01.1929 // ГАРФ. Ф. А-482 (Наркомздрав). Оп. 25. Ед. хр. 478. Л. 41.

⁷⁷ *Фридман.* История Сухумского питомника обезьян... С. 115.

изменения. Кроме смелых экспериментов, «культурная революция» сопровождалась воспитанием своих, новых специалистов и преследованиями, буквально «избиением» старых кадров. Между тем сам Иванов явно относился к людям «бывшим» не только по возрасту и дореволюционному прошлому, но и, что немаловажно, по манере держаться, отказаться от которой было сложнее, чем привыкнуть использовать новые, «правильные» слова о «естественно-историческом мировоззрении» или «просвещении масс». Как и раньше, помочь Иванову могло бы покровительство Горбунова, но, очевидно, позиции его также пошатнулись, после того как непосредственный начальник – председатель Совнаркома А. И. Рыков – был зачислен Сталиным в группу «правых».

В то же время лаборатория Иванова, занимавшаяся вопросами искусственного осеменения домашних животных и существовавшая в конце 20-х – начале 30-х гг. в составе Института экспериментальной ветеринарии, а затем переведенная во Всесоюзный институт животноводства, должна была резко расширить масштаб работ. С началом коллективизации и концентрацией отнятого у крестьян скота на колхозных и совхозных фермах появилась возможность проводить искусственное осеменение в действительно массовых масштабах, за что Иванов вообще-то всегда и выступал. Чтобы справиться с увеличившимся объемом организационных дел, в частности, с переговорами с различными учреждениями, Иванов взял к себе на службу партийного работника О. Ф. Неймана. Тот, не долго думая, сговорился с одним из учеников Иванова В. К. Миловановым и организовал травлю Иванова. Летом–осенью 1930 г. в Наркомземе и в Институте экспериментальной ветеринарии прошла череда собраний и совещаний, на которых Иванова обвиняли, по сути дела, в прямом вредительстве – использовании негодных и дефектных инструментов (катетеров) для осеменения коров. А 13 декабря 1930г. он был арестован. Горбунов помочь уже ничем не мог, поскольку 30 декабря, сразу же за уходом А. И. Рыкова с должности председателя правительства, покинул свой пост и он. Нейман же стал заведующим в бывшей лаборатории Иванова ⁷⁸.

На следствии Иванов был вынужден, как позднее писал сыну, под влиянием следователя «ради общественного блага надеть на себя маску бандита»; затем «за участие в контрреволюционной организации» он был сослан на 5 лет в Казахстан. Но в середине 1931 г. – вместе с постепенным отходом от общей линии «культурной революции» – была, как известно, свернута и кампания против старых специалистов: к тем из них, кто уцелел и остался на свободе, предписывалось теперь относиться «внимательно» и «заботливо», а части из ранее сосланных было разрешено вернуться обратно. После письма одному из руководителей государства (предположительно М. И. Калинину) Иванов был 1 февраля 1932г. досрочно освобожден от ссылки с правом жить в любом месте СССР. Однако здоровье его было подорвано, и 20 марта 1932 г. Иванов скончался от кровоизлияния в мозг, «накануне, – отмечалось в некрологе, – намеченного отъезда в Москву и на курорт для отдыха и лечения» ⁷⁹.

⁷⁸ Часть связанных с травлей Иванова документов находится в его архивном фонде // ЦГАМО. Ф. 837. Оп. 1. Ед. хр. 709–713, 749, 889, 896.

⁷⁹ См.: И. И. Иванов, письмо сыну // ЦГАМО. Ф. 837. Оп. 1. Ед. хр. 298. Л.4; Письмо Центрального Архива КГБ СССР в Институт истории естествознания и техники АН СССР, N 10/АН-464. 7 июня 1991 г. (копия – в распоряжении автора); *Сталин И.* Новая обстановка – новые задачи хозяйственного строительства (Речь на совещании хозяйственников). 23.06.1931 // Правда. 1931. 5 июля; *Русанов М. П.* Профессор И. И. Иванов (некролог) // Природа. 1933. N 5/6. С.142–144.

Если бы не смерть, то Иванов, скорее всего, смог бы продолжить свою деятельность по искусственному осеменению домашних животных, хотя, возможно, и не в прежнем своем институте, а в каком-то другом учреждении. Однако представившийся ему в конце 1920-х гг. исторический шанс – проводить «смелые» эксперименты гибридизации человека и обезьяны, противопоставляя их «буржуазной науке», – был все равно безвозвратно упущен. С одной стороны, в результате продолжавшейся борьбы философских направлений в Комакадемии старое руководство Секции естественных и точных наук (Шмидт, Левит, Левин, Агол) вынуждено было к концу 1930 г. уйти. С другой стороны, в жизни советского общества появились новые идеологические запреты и табу. Одним из них стал запрет на «биологизацию», или «перенесение» биологических закономерностей на явления общественные, в чем, как полагают некоторые авторы, отразилось более общее явление: страх сталинского руководства перед «технократией», стремление максимально сузить пределы профессиональной компетенции специалистов и экспертов, в особенности, когда это касалось мировоззрения и социальных вопросов. И что уж говорить о планировавшихся Ивановым опытах, если под удар попала даже дарвиновская теория антропогенеза! Так, когда после долгого перерыва и под новым названием в 1932 г. возобновил издание «Антропологический журнал» (до этого – «Русский антропологический журнал»), то в открывшей номер редакционной статье особо подчеркивалось, что в прошлом советские антропологи излишне увлекались биологическими факторами антропогенеза, пренебрегая стороной социальной и предавая забвению «теорию» (в действительности, давно устаревшую) Ф. Энгельса, которая должна отныне дополнять теорию Дарвина. Именно тогда прекращает существование и советская евгеника, хотя в каких-то своих разделах и возрождаясь позднее, в 1930-е гг., под «покровительственной окраской» медицинской генетики. Академик В. Н. Сукачев, создатель учения о «растительных сообществах», вынужден в это же время переделать международно признанное название своей науки: из «фитосоциологии» она в Советском Союзе (и только здесь!) становится «фитоценологией»⁸⁰.

Хотя до сих пор трудно сказать, когда и кем впервые был использован ярлык «биологизации», однако, очевидно, что критика «чрезмерно» близких связей биологического и социального (и даже чисто языковых аллюзий!) стала предвестником и одним из первых проявлений скорого уже сворачивания «культурной революции» и прекращения экспериментов в культуре, образовании и науке. В частности, Комакадемия, созданная для большевизации «старой» науки, в начале 30-х гг. стала терять свое значение, а в 1936 г. была вообще закрыта. Другим проявлением все тех же политических и культурных сдвигов (американский социолог Н. Тимашев назвал их, в противоположность «великому перелому» конца 20-х – начала 30-х гг., «великим отступлением» – «the great retreat»⁸¹) стало инициированное «сверху» постепенное возвращение в 30-е гг. к «традиционным» семейным ценностям. Можно сказать, что в культурно консервативном, пуританском сталинском государстве и к «необычному» женскому поведению стали относиться с намного большим недоверием, чем раньше – не только во время культурной революции, но и, пожалуй, в 20-е гг. в целом.

⁸⁰ О критике «биологизации» см.: *Adams, M. Eugenics in Russia, 1900–1940 // Idem. The wellborn science: Eugenics in Germany, France, Brazil, and Russia. N. Y.: Oxford University Press, 1989. P. 153–216; см. также: [Редакционная статья]. За советскую антропологию // Антропологический журнал 1932. № 1. С. 1–2; Сукачев В. Н. Из истории возникновения и развития советской фитоценологии // Анналы биологии. М.: Московское об-во испытателей природы, 1959. Т. 1 [издание продолжено не было]. С. 118–119.*

⁸¹ *Timasheff N. The great retreat; the growth and decline of communism in Russia. N.Y.: E.P. Dutton & Co., 1946*

Как отмечалось во второй главе, проблема гибридизации человека и обезьяны обсуждалась в XXв. неоднократно исследователями в разных странах мира. Тем не менее, после Иванова никто, насколько нам известно, осуществить эти опыты не пытался. Одна из причин – чисто методического свойства. Наиболее крупным центром изучения человекообразных обезьян стал приматологический центр Р. Иеркеса в США, который приступил к выращиванию и изучению в широких масштабах шимпанзе после получения специального гранта от Рокфеллеровского фонда в 1929 г. Однако там довольно быстро добились естественного размножения человекообразных обезьян в неволе, так что методика искусственного осеменения осталась невостребованной и незнакомой приматологам вплоть до середины 70-х гг., когда впервые была применена для размножения шимпанзе⁸².

В итоге вопрос о том, были ли опыты Иванова простым историческим курьезом, либо (так же, как в работах по искусственному осеменению домашних животных) он на много лет опередил ученых других стран, зависит от нашего отношения к этической стороне дела. В Советском Союзе 20-х гг. его идеи стали осуществимы благодаря сочетанию двух факторов: веры в науку и скептически-враждебного отношения к «традиционным» ценностям, готовности «наплевать» на «традиционную», или «мещанскую» мораль, коль скоро запреты не могут быть объяснены рациональными, понятными доводами. Но так ли уж это сочетание уникально, учитывая, что и современные общества по-своему преклоняются перед силой и возможностями науки, а, с другой стороны, пересмотр традиционных ценностей вовсе не закончился с культурными экспериментами 20-х гг.? Возможно, впрочем, что еще одним условием, необходимым для подобных опытов, является и некая «положительная» нравственная задача, решению которой эти опыты могли бы способствовать. И не услышится ли тогда, коль скоро такая задача найдется, в истории опытов Иванова – «музыка будущего»?

5. Челанзе или шимповек?

Отрывочные и неясные сведения об экспедиции Иванова, проникавшие в европейскую и американскую прессу⁸³, породили слухи о том, что некий неназываемый ученый сумел-таки получить гибрид между человеком и человекообразной обезьяной и тайно воспитывает его в джунглях тропической Африки. Циркулируя среди приматологов, зоологов и антропологов, слухи эти просуществовали до 60-х гг. XX в.⁸⁴ А чуть позже, в конце 1970-х - 1980-е гг., приобрели убедительность и для широкой публики, материализовавшись в образе «настоящего гибрида», - шимпанзе, купленного в Африке и воспитывавшегося в США под именем Оливер. Необычная внешность Оливера, чисто человеческие особенности поведения, а также локомоции (при ходьбе

⁸² *Haraway, D.* Primate visions: Gender, race, and nature in the world of modern science. L.: Routledge, 1989. P. 72; *Hardin, C. J., Liebherr, G., Fairchild, O.* Artificial insemination in chimpanzees // *International Zoo Yearbook*. 1975. Vol. 15. P. 132–134; *Martin, D. E., Graham, Ch. E., Gould, K. G.* Successful artificial insemination in the chimpanzee // *Symposia of the Zoological Society of London*. 1978. Vol. 43. P. 249–260.

⁸³ См. *M.B.* Projets d'expériences sur les Singes anthropoïdes// *L'Anthropologie*. 1925. Vol. 36. P.183-184; *Anon.* Savant to try hybridization of man and ape: Plans complete for experiment in Africa // *Des Moines Sunday Register*. 3 January 1926; *Schwalbe J.* Biologische Verwandtschaft zwischen Mensch und anthropoidem Affen: Korrespondenzen// *Deutsche medizinische Wochenschrift*. 6 August 1926. Bd.52. S. 1351; *Idem.* Biologische Verwandtschaft zwischen Mensch und anthropoidem Affen: Feuilleton// *Ibid.* 27 Aug. 1926. Bd. 52. S. 1479-1480.

⁸⁴ См. *Weinert, H.* Kreuzungsmöglichkeiten zwischen Affe und Mensch // *Volksaufartung, Erbkunde, Eheberatung*. 1929. Bd. 4. S. 219–222; *Morris R., Morris D.* Men and Apes. L.: Hutchinson, 1966. P. 82; см. также: *Yerkes, R. M. and Yerkes A.W.* The great apes: A study of anthropoid life. New Haven, 1929. P. 262.

он никогда не касался передними конечностями земли) стали для многих свидетельством того, что он не просто «очеловечен» воспитанием, но и, возможно, представляет собой гибрид человека и шимпанзе, неизвестно кем и при каких обстоятельствах полученный. И только во второй половине 90-х гг. в ходе цитогенетического анализа было установлено, что хромосом у Оливера не 47 (как должно быть у гибрида), а 48, что соответствует стандартному набору хромосом у шимпанзе. Однако, вследствие широкого обсуждения этой истории, в английском языке закрепились два новых слова: «humanzee» (переведенное нами как «челанзе») и «chuman» («шимповек»). То, что значение этих слов различается, было установлено лингвистическим анализом их употребления: челанзе – безобидное и мирное существо, соединяющее физическую слабость человека с недостаточностью умственных способностей шимпанзе, тогда как шимповек – зловещее создание, унаследовавшее ум человека и силу шимпанзе и предназначенное для военных, либо иных преступных целей.⁸⁵ Но это сугубо произвольное, эмоциональное различие в восприятии гибрида указывает по-видимому, на то, что и наша оценка опытов гибридизации должна быть «плюралистической». Ведь если у одних с образом гибрида связывается ощущение угрозы, то для других ощущение это совсем не обязательно.

Как мы могли убедиться, интуитивно очевидное чувство «отвращения» и исходящей от гибрида угрозы не является на самом деле ни очевидным, ни естественным. В частности потому, что в пользу подобных экспериментов высказывались очень многие, и не только горячие приверженцы идеи, как, например, сам Иванов, Г. Роледер, Г. М. Б. Мунс или М. Ф. Нестурх. Вполне сочувственно об опытах отзывались такие видные ученые, не связанные с Ивановым непосредственными научными интересами, как Э. Ру, А. Кальметт, Г. А. Кожевников, Н. И. Вавилов, В. И. Вернадский, которых при этом нельзя, «при всем желании», назвать ни «маргиналами», ни, тем более, «изгоями» научного сообщества. Наконец, даже когда Иванов выбрал новую стратегию, которая в глазах окружающих была намного более радикальной, чем опыты на обезьянах, и решил проводить эксперименты на советских женщинах, то нашел поддержку в Коммунистической академии, и опять-таки среди поддержавших его были крупные исследователи – генетики А. С. Серебровский и С. Г. Левит.

Поскольку мы не можем довериться здесь ученым, - уж очень многие из них одобряли исследования Иванова и никто не выступил с аргументированной критикой этической стороны этих опытов, - резонно было бы ждать ответа от представителей современной биоэтики, новой отрасли нравственной мысли, которая как раз и исходит из ясного понимания того, что стремительно развивающаяся биология порождает новые, требующие осмысления нравственные проблемы. Но следует иметь в виду, что при оценке морально неоднозначных экспериментов современная биоэтика ориентируется главным образом на понятие вреда, причиняемого личности. Ведь даже в тех случаях, когда индивидуальное сознание не выражено, оценивающие эти опыты все равно апеллируют к «личностным» ценностям. Так, например, возражающие против экспериментов с человеческими эмбрионами, исходят из того, что это – «потенциальные» люди, которым попросту «не дают» родиться.

Между тем, пытаясь обосновать недопустимость гибридизации и отпавляясь от идеи личного вреда, мы приходим, в лучшем случае, к сомнительному результату. Так, наше негодование можно действительно объяснить сочувствием к гибриду, которое мы испытываем

⁸⁵ См. Oliver the chimpanzee// // Wikipedia, the free encyclopedia - <http://en.wikipedia.org>; Humanzee/ Chuman// Ibid.

потому, что в нем заключена часть «нас», – наши человеческие гены, обреченные на соседство с обезьяньими. Справедливо и то, что из-за разного числа хромосом у обоих родителей, нельзя исключить и болезненных особенностей строения и развития (пусть даже М. Ф. Нестурх и другие ученые считают иначе). Однако парадокс ситуации заключается в том, что «человеческое» здесь не какая-то «часть» возникающего гибридного организма, которую можно легко отделить от привнесенного обезьяной, – а значит, наше сочувствие будет неизбежно обращено к гибриду как к «целому». Располагаясь в эволюционном промежутке между человеком и обезьяной, гибрид находился бы ровно посередине между обоими родительскими видами, и, ощущая солидарность и сочувствие к нему, мы должны бы были, казалось, испытывать его и к человекообразным обезьянам, а они между тем продолжают использоваться в лабораторных экспериментах, в том числе самых жестоких. С какой же стати, в самом деле, воздвигать здесь новую границу, – теперь уже между гибридом, достойным человеческой солидарности, и обезьяной, ее недостойной? Тем самым гибридное существо, пусть даже воображаемое, превращается в своего рода «средство» для того, чтобы ощутить солидарность и сочувствие к представителям другого вида. Ведь если мы понимаем, что получение континуума форм в промежутке между человеком и обезьяной возможно, то решение зафиксировать жесткое этическое и юридическое отличие в какой бы то ни было точке континуума будет произвольным и несправедливым.

Похоже, присущий нашей культуре дуализм заставляет выбирать из двух взаимоисключающих возможностей, приписывая гибриду либо статус животного, либо человека. В первом случае возражения против опытов автоматически отпадают, во втором же – успех опытов, по-видимому, означает, что «полные» человеческие права следует признать и за человекообразными обезьянами. И этот, последний вариант выглядит, по-видимому, более приемлемым и менее пугающим, чем «реалистическое» решение, в соответствии с которым моральный статус гибрида (а значит, скорее всего, и обезьяны) был бы промежуточным, – ни полностью «человеческим», ни полностью «животным», – что отвечало бы биологической, фактической стороне дела. Причина нашего нежелания заключается, по-видимому, в том, что только недавно западная цивилизация избавилась от предрассудка, согласно которому «истинным» представителем человеческого рода, – человеком в «полном» его развитии, – признавался белый мужчина, все же остальные, едва ли не большинство попадали в промежуточное, пограничное пространство (низшие расы считались «не вполне людьми», а женщины – людьми «не в том», в «ином» смысле, чем мужчины). Признание «промежуточного» нравственного статуса за гибридами создает дурной прецедент, поскольку подрывает столь дорого стоившее представление о равных фундаментальных правах, получаемых всеми людьми с момента рождения. И если родственные виды будут соединены континуумом форм, то, как подчеркивает известный американский политолог Ф.Фукуяма, нельзя будет говорить о равенстве как некоем естественном, от природы данном состоянии человека.⁸⁶

Подобные аргументы действенны, коль скоро речь идет об охране прав человека, – пусть даже ценою, которую придется заплатить, станет известное замедление научного прогресса. Однако доводы эти парализуются, и ситуация становится окончательно неразрешимой, если организаторы подобных опытов стремятся помочь находящимся по другую сторону границы.

⁸⁶ *Fukuyama, F. Our post-human future: Consequences of the biotechnology revolution. N.Y.: Farrar, Straus and Giroux, 2002; русск. пер.: Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции. М.: Изд-во АСТ, 2004.*

Ведь ее замкнутость и «непроницаемость» бьет по тем, кто не допущен в сообщество равных, не пользуясь при этом *никакой* этической защитой. Следует также иметь в виду, что в прошлом распространение фундаментальных прав и свобод на все человечество стало возможно благодаря размыванию казавшихся до этого «вечными» и «естественными» границ между людьми. Так почему бы защитникам животных не позаимствовать ту же логику?

В отличие от антививисекционистов первой половины XX в., выступавших за «гуманное» обращение с животными⁸⁷, современные их защитники все больше склоняются к концепции присущих другим видам элементарных прав. А это, в частности, означает, что аргументы о биологической близости человекообразных обезьян к человеку, об условности разделяющей их границы приобретают особое нравственное значение. Тем более, что за последние десятилетия накопилось много новых данных о подобной близости, в частности об интеллектуальных способностях человекообразных обезьян. Так, в экспериментах по обучению горилл и шимпанзе азбуке глухонемых (говорить они не могут из-за особого устройства гортани) доказано, что эти «животные» в состоянии освоить несколько сотен, а возможно, и более тысячи слов. При этом употребляют они их осмысленно и даже изобретают новые («глазошляпа» – для обозначения маски, «браслет на пальце» – для впервые увиденного колечка)⁸⁸. И хотя умственный возраст высших обезьян соответствует, согласно результатам тестирования, возрасту трех- или даже двухлетнего ребенка, они, как опять-таки полагают психологи, в состоянии сознавать себя как личности, – в отличие от всех других видов, за исключением, быть может, дельфинов. И последствия этого намного глубже, чем может показаться на первый взгляд. Ведь принадлежность к человеческому виду не только не является достаточным условием для становления личности (некоторые безнадежно больные, умственно отсталые люди не считались и в прошлом личностями в полном смысле слова), но не является больше и условием необходимым, ибо «личности» могут существовать за пределами «нашего» вида.⁸⁹

Пожалуй, неудивительно, что в рамках движения за права животных возникла группа «Равенство за пределами человечества (Equality beyond Humanity)», или «Проект высшие обезьяны (The Great Ape Project)», руководимая и вдохновляемая исследовательницей шимпанзе Дж. Гудэйл (J. Goodall), философом П. Сингером (P. Singer), а также биологом-эволюционистом Р. Доукинсом, автором нашумевших книг «Эгоистичный ген» и «Слепой часовщик». Принятая этой группой «Декларация» открывается словами: «Мы требуем расширения сообщества равных и включения в него всех высших обезьян: людей, шимпанзе, горилл и орангутангов». Равенство это, конечно, весьма условно, поскольку обезьяны не в состоянии отстаивать свои права в человеческом обществе, однако им должна быть гарантирована такая же защита, как, например, детям, почему и необходимо назначение законно признанных опекунов⁹⁰. Но лозунг «освобождения» имеет все равно бесспорный смысл, потому что до сих пор антропоидные обезьяны являются объектом купли-продажи, – при этом даже самые «интеллектуально продвинутые», как, например, те, кто обучается человеческому языку. И эта группа сторонников «человеческих» прав для обезьян добилась в 1999г. принятия парламентом Новой Зеландии

⁸⁷ Подробнее об этом отличии см.: *Lederer, S. E.* Subjected to science: Human experimentation in America before the Second World War. Baltimore; L.: The Johns Hopkins Univ. Press, 1995. P. 140–141.

⁸⁸ *Kevles, B.* Thinking gorillas: Testing and teaching the greatest ape. N. Y.: E. P. Dutton, 1980. P. 144.

⁸⁹ См.: *Cavalieri, P.* Les droits de l'homme pour les grands singes non humains? // *Le Debat.* 2000. No 108.

⁹⁰ A Declaration on great apes // *The great ape project* / Ed. by P. Cavalieri, P. Singer. L.: Fourth Estate, 1993. P. 4–7.

законодательного запрета на использование человекообразных обезьян в медицинских и всех прочих опытах, не служащих непосредственно интересам самой обезьяны.

Различия между людьми и человекообразными обезьянами остаются по всем меркам весьма значительными, и можно было бы предположить, что с ними сопряжен все-таки важный нравственный смысл. Но какова природа этих различий? Коль скоро речь идет о культурных и социальных общностях, то за личностью признается право выбора; попытки же воспрепятствовать этому праву и сделать границы «непроницаемыми» расцениваются ныне как безнравственные, – будь подобной границей Берлинская стена, либо запрет на операции хирургического изменения пола. Следовательно, с границами между видами должно для нас связываться «что-то еще», что сделало бы их, на самом деле, «неприкосновенными».

Однако, как подчеркивает Р.Доукинс, – приверженец, как помним, идеи человеческих «прав» для человекообразных обезьян, – биологические виды не являются, с точки зрения современного дарвинизма, «сущностями», а границы между ними достаточно условны, чтобы связывать с ними какие-либо представления о ценности. Так, отсутствие промежуточных форм между человеком и человекообразными обезьянами выглядит простой исторической случайностью: можно представить себе, что эти формы, например, австралопитеки, могли бы и сохраниться в каком-нибудь затерянном уголке Земли. «Я был бы рад с ними познакомиться», – говорит Доукинс и продолжает:

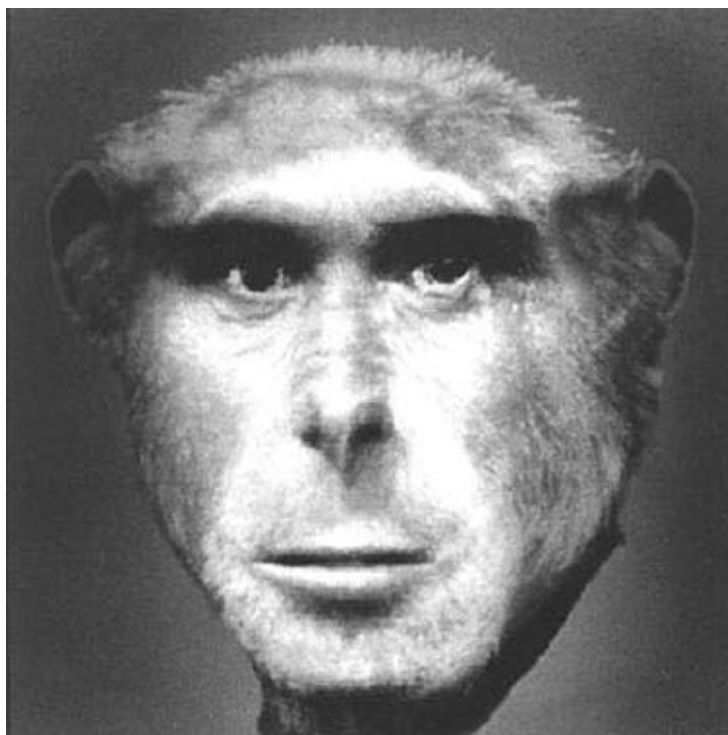
Если предположить, что кому-то удалось бы получить гибрид между шимпанзе и человеком, то новость эта потрясла бы мир. Церковные иерархи принялись бы нести вздор, юристы – втайне злорадствовать, консервативные политики – метать громы и молнии, социалисты не знали бы, где воздвигнуть свои баррикады. Совершивший этот поступок ученый был бы с позором изгнан вон из политически корректного общества, его бы поносили с амвона и в бульварной прессе; а какой-нибудь аятолла, пожалуй, проклял бы его в своей фетве. Но политика, теология, социология, психология и большая часть философии навсегда бы стали иными. Мир, который можно так глубоко потрясти, – таким случайным, произвольным событием, как гибридизация, является несомненно специцистским, находящимся под властью дисконтинуального разума⁹¹

Подчеркивая, что видовые границы не могут быть осмысленной нравственной ценностью, Доукинс находится в полном согласии с основоположниками синтетической теории эволюции Ф. Г. Добржанским и Э. Майром, объявившими настоящую войну «типологической», или «эссенциалистской» концепции вида. Границы между различными биологическими видами для них не следствие сущностных (типологических) различий, а результат действия вполне конкретных «изолирующих механизмов» (термин Добржанского). Эти механизмы принудительно разобщают – за счет физиологических и поведенческих адаптаций – когда-то единые популяции, делая скрещивание невозможным и создавая условия для последующего «наполнения» дивергирующих групп различным (случайно различным!) генетическим содержанием, что и заставляет *потом уже* видеть в них сущности. И в этом смысле типологические различия фиктивны, значение же имеют исключительно индивидуумы и их популяции, с которыми,

⁹¹ Dawkins, R. Gaps in the mind // The great ape project...

собственно, и «работает» естественный отбор. В роли единственно возможной, мыслимой типологической категории Добржанскому видится представление о едином человечестве⁹².

Но почему же нам следует придерживаться здесь старой привычки рассуждать типологически? С какой, спрашивается, стати, одиноко высящееся человечество должно оставаться последним прибежищем эссенциализма? Ведь если сущностных, типологических различий, с точки зрения биологии, нет, то руководствоваться следует различиями индивидуальными и статистическими, а мы ведь знаем, что разница между интеллектуальными способностями среднего человека и среднего шимпанзе *меньше*, чем индивидуальные различия внутри человеческого вида, – например, между «нормальным» человеком и не обладающим сознанием собственной личности «идиотом»⁹³. Между тем «идиот» пользуется полной этической защитой, тогда как «среднему шимпанзе» не достается ничего, – именно в силу сохраняющихся типологических разграничений, которые, согласно



Таким представляет себе гибрида человека и шимпанзе Р.Доукинс, используя компьютерную композицию американской художницы Н.Бёрсон. (Burson N. Evolution II // Museum of Contemporary Photography - <http://www.mocp.org/>.) Публикуется с разрешения Н.Бёрсон.

Доукинсу и другим современным дарвинистам, являются лишь пережитком традиционного биологического мышления. Здесь можно опять-таки указать на то, что от шимпанзе нас отличает не столько «биология», сколько присущая человеку культура и история. Однако культурные отличия предполагают, как уже отмечалось, возможность добровольного отказа от них. И разве, – могли бы мы спросить, – содержание культуры не заключается в воспитании сочувствия к «другому», к страдающему и угнетенному существу? Разве содержание истории – не в расширении круга тех, на кого распространяются наше сочувствие и этическая защита?

Именно непоследовательность современных дарвинистов заставляет Р.Доукинса задумываться об опытах гибридизации. При этом он не призывает к практическому осуществлению этих планов, рассматривая их лишь как гипотетический случай. К тому же, по его мнению, доводы «кровного родства» не должны быть для нравственной философии решающими. Легко представить себе, что близкого к человеку интеллектуального уровня могли бы достичь эволюционно далекие от него организмы, например головоногие моллюски, которым в этом случае и следовало бы предоставить соответствующие «права». В то же время, отмечает Доукинс, живем мы совсем не в идеальном мире, реальный же – населен людьми, мало что понимающими в

⁹² *Dobzhansky Th. On types, genotypes, and the genetic diversity in populations // Genetic diversity and human behavior /Ed. by J. N. Spuhler. Chicago: Aldine Publ. Co., 1967. P. 6.*

⁹³ См.: *Cavalieri, P. Les droits de l'homme pour les grands singes non humains?...*

биологии и очень мало интересующимися другими видами. И это на самом деле, звучит почти как приглашение для тех, кто, возможно, считает, что опыты гибридизации человека и человекообразных обезьян способны, рассеяв типологический «туман», заставить всеобщее равнодушие отступить, а толстокожего обывателя – признать права животных.

У подавляющего большинства подобная перспектива способна вызвать лишь ужас. Осознание растущих возможностей современной биотехнологии уже заставило многих задуматься о необходимости специальных законов, которые запретили бы создание гибридов, либо химер человека и животных. Об этом, в частности, пишет Ф. Фукуяма, а в последнее время заговорил, выступая перед конгрессом, и американский президент Дж. Буш⁹⁴. Однако при помощи полицейских запретов никогда еще не удавалось справиться с теми, кто полагал, что действует, исходя из лучших и высших побуждений. Проблема заключается в том, что нам трудно противопоставить этим побуждениям бесспорные аргументы. В ситуации, когда господствует представление об условности видовых границ, сочувствия к гибриднему существу может оказаться недостаточно. С другой стороны, оправдывая запрет на опыты гибридизации человека и человекообразных обезьян сочувствием к страданиям гибрида, мы, по-видимому, неискренни. Ведь запрет подразумевает осуществимость гибридизации, а значит, и реальную близость видов. Между тем никто из выступающих против опытов не стремится увеличить этическую заботу о человекообразных обезьянах, - отказываясь, по сути дела, платить за запрет опытов неизбежную цену. Но это означает весьма простую вещь: отвергая идею гибридизации, мы на самом деле (скрыть это теперь невозможно!) испытываем к гибриду вовсе не сочувствие и жалость, а только отвращение и ненависть, не имеющие иного источника, кроме себя самих.

Заключение

В конце концов, мы возвращаемся к поднятой еще во введении проблеме: новые технические возможности генной инженерии и клеточной биологии нуждаются в осмыслении не только потому, что размывают традиционные, значимые для нас ценности, но и потому, что оказываются связаны с новым нравственным содержанием, о котором раньше мы могли и не догадываться⁹⁵. Так, появившаяся ныне возможность разрушить - добровольно и осознанно - границу между человеком и близкими к нему видами драматически расширяет пространство личной свободы. Признать подобное решение аморальным можно только в том случае, если исходить не из декларативных призывов к «смирению», а из доступных пониманию принципов, придающих смысл налагаемым на себя ограничениям.

Стремясь пробить брешь в непроницаемой перегородке, существующей между нами и другими видами, мы как будто подрываем идею безусловного и нераздельного владычества человека над миром, – идею нездоровую и даже губительную не только для «природы», но и для

⁹⁴ «Сегодня я прошу вас принять закон, призванный запретить наиболее вопиющие злоупотребления медицинских исследований: все виды клонирования человека, создание или имплантацию эмбрионов с целью последующих экспериментов, *создание гибридов человека и животных* (выделено нами – К.Р.), покупку, продажу и патентование человеческих эмбрионов.» State of the union address by the president of the United States. 31 January 2006. – Полный текст см. в Интернете: <http://www.whitehouse.gov/stateoftheunion/2006/index.html4>; Fukuyama, F. Our post-human future...

⁹⁵ Подробнее об этом см. Haraway D. A Manifesto for cyborgs: Science, technology, and socialist feminism in the 1980s // Australian Feminist Studies. 1987. Vol. 4. P. 1–42.

«культуры». Правда, желание породниться с «природой» не только душою, но также плотью и кровью выглядит страшным кощунством, но не является ли оно – это «нисхождение» человека – естественной и психологически понятной реакцией на не менее кощунственное стремление, для которого никто и ничто из находящегося за пределами человеческого общества и культуры не обладает ни самостоятельной ценностью, ни достоинством?

При этом «замкнутость» нашего вида не является больше очевидным и непреложным фактом, с которым никому ничего (даже при всем желании) «не под силу» сделать. Коль скоро это, натуралистическое представление «не работает», то остается понимание человеческого вида как общности культурно-исторической. Но все подобные общности предполагают *свободу выбора*. И до сих пор признание прав других, отличающихся от «нас» людей приводило к тому, что границы между «нами» и «ними» переставали быть чем-то естественным и безусловным. Так должна ли и логика защиты других видов стать продолжением все той же освободительной логики, еще одним шагом по пути, по которому европейский мир следует, по крайней мере, со времен Реформации, – обесценивания «обязательных» границ и «естественных» общностей в пользу свободного выбора личности?

Если «нет», и если следуя внутреннему убеждению, мы признаем непреложность видовых границ, то означает ли это, что мы будем столь же жестоки к своим самым близким родственникам, как и прежде? А если «да», то значит ли это, что у личности есть не только право добровольно покидать «ряды» своих соплеменников, единоверцев, сограждан, право, наконец, отказываться от гендерной и даже половой идентичности, но и право выходить из «рядов» человечества, предоставляя свои половые клетки для создания гибридных организмов или межвидовых химер? И следовательно, является ли наша видовая идентичность всего лишь «частью» идентичности личной, и тем самым – *правом* личности (от которого она, как от всякого права, может, если захочет, отказаться), а вовсе не «кем-то» (кем?) возложенной обязанностью? Еще в первой половине XIXв. немецкий философ М. Штирнер писал о человечестве как об инстанции деспотического авторитета, совершенно такой же, как государство, организованная религия или нация.

Вопрос, в конечном счете, заключается в том, придется ли идее «естественной общности» окончательно ступать перед принципом личности. Нам-то как раз дорого представление о человеческом «виде» (или согласно традиционному, а не научному словоупотреблению, – человеческом «роде») как об особой «сущности», которую нельзя понять как возникшую лишь за счет договора и добровольного делегирования полномочий. И мы понимаем, что опыты скрещивания на это интуитивно очевидное представление посягают. Но как, хочется спросить, возможен скачок от личности с ее законной свободой, правом выбора и уважением к другим личностям - к «естественной общности», которая не сводима лишь к сумме отдельных интересов и прав? Возвещая провал этического проекта Просвещения, А.МакИнтайр прямо указывал на то, что личность не может быть больше исключительным агентом морали, что основным ее источником и мерилom призвана стать типологическая, эссенциальная концепция человека «каким он должен быть», соответствуя своей истинной, родовой сущности⁹⁶. Но это, типологическое понимание вряд ли даже мыслимо, коль скоро человек остается единственным, по сути дела, «коллективным субъектом», который, в силу «единственности», не может быть больше

⁹⁶ MacIntyre A.C. After virtue: A study in moral theory. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1984.

увиден и понят сквозь призму сравнения, диалогического отношения с другими надындивидуальными сущностями.

В прошлом – возможно, еще во времена Иванова – страх потери человеческой сущности шел рука об руку и прямо подпитывался страхом перед «низшими» членами самого общества, будь то бунтующие народные «массы», разнужданные, забывшие свое «истинное» назначение женщины или «низшие» расы, а сравнение с «животным» служило орудием социальной стратификации. Само различие «человека» и «животного» было своего рода продолжением, если угодно, «предельным случаем» более общего класса иерархических, воспринимавшихся при этом как «естественные» различий между самими людьми. Иерархические различия и социальные перегородки преодолевались и преодолеваются апелляцией к универсалистскому, общечеловеческому этосу. Но если мы не верим больше в прирожденное, естественное неравенство людей, – то из какого же более общего источника морального авторитета следует этическая обязательность наших видовых границ, которая иначе, если такого нового источника не найдется, попросту «повиснет в воздухе»?

Возможно, ответ на вопрос удастся найти за пределами человеческого общества. Ведь что бы там ни говорили последователи Ф. Г. Добржанского и Э. Майра, а сущностные различия существуют. Так, некоторых приматологов давно уже волнует вопрос о том, что, развиваясь в тесном контакте с человеком и вне своего стремительно сокращающегося естественного ареала обитания, высшие обезьяны теряют свою самобытность, – тот собственный социальный опыт, который заложен вовсе не в генах (или – не только в них), а передается и приобретает в естественной популяции себе подобных таким же образом, как у нас передаются знания, навыки, а также нравственные ценности⁹⁷. Исследователи все чаще задумываются над тем, что иные способы отношений, в частности, способы разрешения конфликтов, реализуемые у наших ближайших родственников, не столько примитивны, сколько альтернативны нашим, и нет ничего невозможного в том, что не мы, а другая ветвь антропоидных обезьян достигла бы в ходе эволюции стадии настоящей культуры и общественности, не обладая при этом нашими пороками (хотя, скорее всего, имея собственные)⁹⁸. В этом смысле мы признаем за человекообразными обезьянами эссенциальное, не зависящее от нашей воли достоинство, уважая, если угодно, нереализованную возможность развития, отличную от пути, пройденного нами. С точки зрения новозеландского закона о правах антропоидных обезьян, скрещивание с человеком также выглядит как недопустимое злоупотребление доверием: обезьяны эти достаточно развиты интеллектуально, но все же, как дети, не могут сами принимать ответственных решений.

Необходимо и вправду признать: в эссенциальном контексте принято сейчас говорить о человеке, и больше - ни о ком другом. В результате – в этом, возможно, заключается главный «урок» рассказанной нами истории - возникают непреодолимые затруднения логического и нравственного порядка. В то же время признание «сущностного достоинства» хотя бы за некоторыми, пусть несколькими биологическими видами - близкими к нам человекообразными обезьянами – многое меняет. Впервые вопрос о «наших» границах можно отделить от представления о собственной исключительности, - исключительности, порождающей чувство навязчивого, бессмысленного страха перед «низшими» созданиями и в то же время

⁹⁷ *Kevles. Thinking gorillas... P. 153*

⁹⁸ См., напр., *Wrangham R., Peterson D. Demonic males: Apes and the origins of human violence. Boston; N.Y.: Houghton Mifflin Co., 1996.*

подстрекающей существующую границу подорвать или разрушить. Запрет на создание гибридных организмов продиктован теперь уже не нашими «шкурными» интересами, но определяется с позиций уважения к другому виду, которое как раз и требует отказа от навязывания наших генов, от недопустимой «экспансии», захвата территорий, человеку не принадлежащих. В каких пределах мы вправе говорить об эссенциальном достоинстве видов, находящихся на более низкой, чем человекообразные обезьяны, ступени развития, - тема, нуждающаяся в особом рассмотрении⁹⁹.

В итоге проблема эссенциализма становится, по-видимому, проблемой определения «себя».

Совсем недавно, отвечая на вопрос: что делает нас чем-то большим, чем группой, существующей по добровольному соглашению своих членов? – можно было ограничиться натуралистическими доводами, указав на отделяющее от других видов биологическое расстояние и невозможность его преодолеть, даже если кому-то «захочется». Но поскольку времена эти в прошлом, то и нравственная обязательность границы невозможна более без присутствия за ее пределами «значимого другого» – иного или иных видов живых существ. И ценность представляет тогда не идея абсолютной власти над природой и миром и не основывающиеся непосредственно на этой идее «наши» границы, а идентичность и границы – «чужие».

⁹⁹ Подробнее об этом см. *Rifkin, J. The Biotech century: Harnessing the gene and remaking the world.* N. Y.: J.P.Tarcher / Putnam, 1999. P. 99-103.